

Наталья Сафронова

Ты одна, одна на свете

Красный

После новогоднего праздника Дашу отправляли в зимний лагерь. Мама достала ей путёвку от предприятия — всё же дочери скоро четырнадцать, а она лишь раз отдыхала в пионерском лагере, и это было летом. Домашнее тепло, интересные фильмы по телевизору, живая ёлочка, сказочно отражающаяся в трельяже, держали Дашу, но возможность пожить на природе манила новизной. К тому же мама, взяв дополнительные дни к выходным, уезжала на неделю в гости к родне. Отец оставался дома — ему на работу. Дочь видела, что родители в последнее время ссорятся. А теперь, может, отдохнут друг от друга.

Территория лагеря расположилась в окрестностях города, ненавязчиво вписавшись в верхнюю часть пологого склона, обрамлённого хвойным лесом. Низ склона, ступенчатый, топорщась зарослями дикого кустарника, упирался в гору, по каменистому подножию которой бежала невидимая зимой речка. Эта покатая белёсая гора с чернеющими складками леса, с оголённой скалистой верхушкой, казалось, висела перед лагерем, закрывая полнеба, и постоянно притягивала взгляд. В пределах уже самого лагеря другим не менее интересным объектом для прибывших горожан оказалась ледяная горка, спускавшаяся по рельефу от двухэтажного здания, где поселились школьники. Недалеко от горки выделялась коричневой полосой дорожка, ведущая к центральному корпусу и воротам. За ней белела выпуклостями нехоженная поляна с запошёнными беседками и маленьким бассейном. С противоположной стороны дремал за забором пустующий пионерский лагерь.

Горка так заманчиво блестела на солнце, что все кинулись кататься. Санями служили бурые шкуры — может, коровы или даже медвежьи, специально припасённые организаторами отдыха для зимних забав. Для этой же цели валялись кругом обрывки картонных коробок. Свалившись кучей на меховую подстилку, очумевшая от свободы молодёжь с визгом скатывалась вниз. Кому не хватало места на шкурах, съезжали на картонках, а самые смелые — на ногах, размахивая для равновесия руками.

Дашка, не успевшая ни с кем подружиться, тоже старалась забраться вместе со всеми на шкуру

и мчалась, задыхаясь от скорости. Над лагерем, нарушая естественную тишину, гремели песни, издаваемые невидимым репродуктором. Это поднимало настроение.

Накатавшись, бежали в тепло. Девочки разместились в большой комнате на первом этаже, мальчишки заняли несколько комнат выше. Шум, беготня, радостные румяные лица, игнорирование замечаний вожатых, которые сами, наверное, недавно окончили школу. Но им всё же удавалось организовать подопечных, и все шли обедать в главный корпус с кухней, столовой и залом для танцевальных вечеров.

Дашка в день приезда не решилась пойти со всеми на дискотеку. Она бродила по дорожкам лагеря вдали от жёлтого света фонарей. Сойдя с натоптанной тропы, увязла в плотном снегу и остановилась, всматриваясь в тёмную даль, где ни домов, ни машин, лишь уснувшая под снегом природа. Оглянулась на лес, пугающий густой чернотой, вспомнила лето. Здесь, на этой поляне, заросшей розовым клевером, стояла она года два назад в жаркий июльский полдень. Летом сюда выезжают на отдых детские сады, а Дашина мама педагог, и хотя дочка школьница, она тоже приезжала вместе с мамой. Как же привольно гулялось тут: горы, земляника под соснами, речка! А сейчас холодно. Зима.

Даша выбралась на тропу и вернулась к корпусу. Обрадовавшись, что горка пустует, решила скатиться с неё, лёжа на спине, как делала в детстве. Чувствуя через пальто бугристую неровность льда, смотрела на звёзды, висевшие на одном месте независимо от её передвижения по наклонной плоскости. Снова взбежала наверх, легла на спину и, казалось, не съезжала, а парила по небу, широко раскинув руки. Но неожиданно её радостное состояние усилила необычайно нежная мелодия, вылетевшая вдруг из репродуктора на свободу подобно диковинной неземной птице, разлетевшаяся на миллионы звенящих частичек и уносящаяся вместе с Дашей в бесконечность Вселенной:

Ангела, ты на счастье мне судьбой дана,
Ангела, если ты со мной, солнце светит...

Ангела, ты одна на Земле, одна.

Ангела, в добрый час тебя я встретил.

С тобой я забываю все невзгоды.

Уходят гучи прочь, стихает ветер.

Над миром дни летят, а может, годы.

Я знаю лишь, что ты живёшь на свете.

Анжела, ты одна, одна на свете.

Анжела, в добрый час тебя я встретил...

Необыкновенный голос певца, проникновенные слова и недосыгаемо-воздушный аккомпанемент скрипок необъяснимой, волшебной силой проникали в сознание, волновали. Предчувствие чего-то важного согрело сердце, увлажнило глаза, отчего всё вокруг расплылось и выдилось как через подтаявшую льдинку. Даша, скатившись, лежала на льду, слушала, и ей хотелось, чтобы песня звучала бесконечно!

Но песня сменилась на другую, которая не радовала, а упорно уводила от блаженства полёта. Даша продолжала кататься с горки, надеясь вновь услышать магическую музыку и слова:

Анжела, ты одна на Земле, одна.

Анжела, в добрый час тебя я встретил...

Утро следующего дня началось с пробежки. Вожатые резко отдавали команды, пытаясь взбудить проснувшихся в непривычной обстановке девушек. Даша решила бегать без пальто, так удобнее, к тому же потеплело, и она, смешавшись с полусонной толпой, выскочила на крыльцо в маминой розовой кофте, вязаной и уютной. А кто знал, что мама уговорила дочку взять тёплую вещь? Неуклюжая мужская шапка из коричневой цигейки, тоже предложенная мамой на случай холодов, смешно хлопала ушами, сползала на глаза. Девчонка стеснялась своего головного убора, но другого не было.

Серость раннего утра и тишина ещё не проснувшегося репродуктора казались обыденными. Даша бежала по дорожке, удивляясь, что без пальто очень легко и не холодно, а яркая розовая кофта красиво смотрится на фоне белого снега. В городе ей не случалось бегать по утрам, не считая ранних походов в школу, и она радовалась таким переменам. Вспомнив вчерашнее ощущение от волшебной песни, мельком взглянула на пустую горку и, улыбнувшись, побежала веселее.

После завтрака—свобода! Кто на лыжи, кто на горку, девчонки обсуждали вчерашние танцы и поглядывали на мальчишек. Прокатившись с горы и поняв, что днём, без музыки, это занятие совсем не вдохновляет, Даша остановилась внизу, заметив мальчика в красной шапочке с помпоном. Он стоял, нагнувшись, у начала спуска и долго приспособливал лыжи к ботинкам. Затем решительно выпрямился и посмотрел вокруг. Может, он заметил девчонку в ушанке? Вид у него был геройский.

«Неужели по льду поедет?—недоумевала Даша.—Какой смелый, прямо спортсмен». Девочка

засмотрелась на художавую фигурку смельчака. Когда дома по телевизору показывали соревнования лыжников, она даже об уроках забывала. И вот лыжник прямо перед ней!

Но паренёк не стал рисковать. Сделав несколько шажков в сторону, где лежал снег, присел и, оттолкнувшись палками, поехал вниз. Его триумф был недолгим. Потеряв равновесие, он свалился, смешно растопырив лыжи. Разочарованно вздохнув, Дашка пошла в корпус.

Проходя мимо мальчишки-лыжника, успешшего выбраться наверх со своим снаряжением, хотела подбодрить его, но, взъерошенный, весь в снегу, он даже не заметил её. Дашка не придавала этому никакого значения. Вернувшись в комнату, уселась на кровать, достала прихваченную из дома тетрадку, приспособила её на коленях, пофантазировала и записала карандашом стихи:

Ты стоишь на лыжной трассе
В красной шапочке с помпоном.
Хоть сейчас ты очень смелый,
Но совсем ещё ребёнок.
За крепление ты уверен,
Не сфальшивят лыжи с кручи.
Хоть похож ты на мужчину,
Но совсем ты не могучий.
Всё ж похож ты на спортсмена
На слаломных трассах мира.
А что гордо смотришь сверху—
Это только для блезира.

День проходил быстро. Где-то к обеду по лагерю разнеслась весть: машина скорой помощи увезла девочку, упавшую на горке и получившую сотрясение мозга. Вожатые задумались, стоит ли позволять детям кататься, и решили: запретить! До ранних сумерек горка пустовала, но когда стемнело и включили музыку, на ледяном аттракционе вновь появились ребята.

Радостная Дашка забежала на гору, торопя миг наслаждения от следующего стремительного спуска. Сзади на шкуре места не нашлось, и девчонка, мигом обогнув кучу-малу, пристроилась впереди всех, упав на колени и вцепившись пухлыми от снега рукавичками в обледенелую шерсть шкуры. Мгновение—и толпа несётся на бешеной скорости! Когда проехали уже половину крутого спуска, Даша увидела внизу впереди девочку в вязаной шапке, не успевающую освободить место для мчащейся на неё оравы. Девочка суетливо отталкивалась, скользила, пытаясь сдвинуться к краю...

Удар пришёлся в переносицу! Даше показалось, что она услышала, как треснул её лоб; страшная боль пронзила тело, перехватило дыхание. От столкновения её отбросило в сторону, и она лежала теперь в снегу на спине. Словно праздничный фейерверк на фоне чернильной пропасти неба, разбегались перед глазами цветные круги и искры.

Шапка свалилась с головы, но дотянуться до неё не хватало сил. Машинально нащупала под рукой комок снега, прижала его к гудящему лбу и ещё какое-то время с ужасом созерцала затухающие в глазах вспышки.

Над лесом эхом звенела задорная песня. Подошла какая-то девочка, надела на неё шапку и убежала в корпус.

Вскоре над Дашей склонилось перепуганное худощавое лицо кареглазой вожатой Любы:

— Сильно ударились? Встать можешь? Что же вы так носитесь-то? Осторожнее надо!

Люба не спеша усадила Дашу, опасно выглядывая ей в потускневшие глаза, потом помогла подняться на ноги. Каждое движение мучительно отдавалось в Дашиной голове: ощущение, будто внутри всё оторвалось и болтается как кисель в чашке, к горлу подступила тошнота. Дошли до здания. Даше помогли раздеться и уложили на кровать. Девочке было страшно, хотелось домой к маме, она лежала с закрытыми глазами, осязая на лбу прохладу принесённого кем-то влажного полотенца.

— Может, скорую вызвать? Как ты себя чувствуешь? — нерешительно беспокоилась Люба, со страхом косясь на вторую вожатую, стоящую за её спиной.

— Днём скорая была, и сейчас снова вызывать? Нам же влепят за это по первое число, — шептала высокая напарница.

— Даша, как голова? В больницу поедем? — попыталась Люба, прикасаясь к тонким рукам девушки, безжизненно лежащим вдоль тела.

Даша представила больничную палату, врачей, представила сидящего перед телевизором отца, оставшегося дома. А мама? Мама сейчас очень далеко.

— Не... не надо скорую, мне уже лучше, — еле слышно прошептали губы, а загуманенное сознание проваливалось в тяжёлое забытьё.

Проснулась, когда Таня, полненькая соседка по кроватям, позвала её на ужин. Добравшись до умывальной комнаты, Даша посмотрелась в зеркало и не узнала себя: переносица и лоб опухли, покраснели, заплывшие веками воспалённые глаза разъехались к вискам. Осторожно потрогала раздутый, как дрожжевое тесто, отёк и, не почувствовав прикосновения, испуганно отдернула руку. Вернулась в комнату, с трудом оделась и пошла вместе с Таней и вожатой Любой в столовую. Тёплое помещение и запах мясной подливки вернули Даше чувство голода. Не глядя по сторонам, низко склонив голову и пряча лицо под длинной чёлкой, принялась есть. Но, положив в рот кусочек котлеты и начав жевать, сникла от пронзающей тупой боли, будто по вискам стучали молотки. Давясь, проглотила немного картофельного пюре, запила

сладким чаем и, одевшись, грустно поплелась одна в спальный корпус.

Вожатые некоторое время обращали на неё внимание, но, видя, что девочка справляется с болезнью сама, успокоились. Что случилось с другой жертвой столкновения, Даша не знала, никто об этом не говорил.

Последующие три дня она лежала на кровати, подолгу спала и вставала только немного поесть. Умываясь, испытующе осматривала лицо в зеркале. Отёк уменьшался, возле глаз появились синюшные круги. В одно утро Даша убедилась, что собственное отражение уже не так пугает её: синева под глазами сменилась желтизной, взгляд прояснился. Она стала чаще выходить на улицу, но кататься с горки не решалась, лишь с затаённым участием смотрела на чужую радость. Внутренний страх останавливал её, как только носки обуви приближались к кромке коварной наледи. Но когда возникали, словно переливающиеся на солнце хрустальные льдинки, первые аккорды любимой мелодии, Даша замирала, слушала, и душа её ещё более трепетно ловила каждое слово:

Над миром дни летят, а может, годы.

Я знаю лишь, что ты живёшь на свете...

Жёлтый

Даша сидела на кровати и наблюдала за девочками. Они собирались на танцы: подводили глаза, красили тушью ресницы, причёсывались, доставали из сумок наряды. Наступил последний вечер в лагере. В комнату то и дело забегали мальчишки: может, им не терпелось увидеть девчонок красивыми, а может, просто подсматривали. Девчонки незлобно возмущались.

Таня, переодевшись в платье салатного цвета, задвинула свой чемоданчик обратно под кровать, жалостливо посмотрела на Дашу и принялась её уговаривать:

— Ты хоть сегодня сходи на дискотеку! Посмотришь, какая там красивая ёлка стоит. А то посидела тут одна. Доставай самое нарядное, что у тебя есть, и приходи. Приходи! Я побежала, скоро начнётся!

Таня поправила рыжеватые локоны, крикнула подружек, и они ушли.

«Может, правда сходить? Лицо почти нормальное, голова не болит», — рассуждала Даша, стоя в умывальной перед зеркалом. Пригласила на себе мамину голубую кофточку, застёгнутую на пуговички-жемчужинки, повернулась боком, стараясь разглядеть спину, выровняла шов синей юбки, сшитой на уроках домоводства. Сходила за расчёской, вернулась к зеркалу, сдернула резинки, перехватывающие волосы на два хвоста, расчесала рассыпавшиеся каштановые пряди, поправила непослушную чёлку. «Я же ходила на школьные

вечера, и там, в городе, остались мои платья и туфли,— размышляла девушка, возвращаясь в комнату.— А здесь?» Подтянула обвисшие на колёнках хлопковые чулки, надела валенки на резиновой подошве, пальто с меховым воротничком и, вздохнув, водрузила на голову ушанку. Присоединившись к группе не сильно торопящихся девочек, отправилась в главный корпус.

Уже внизу были слышны музыка и громкие голоса мальчишек, подпирающих перила лестничной площадки второго этажа. Даша проскочила мимо них в тесную комнатку, душную от пахнущей мокрым снегом одежды, сваленной на стулья, разделась и наконец с волнением зашла в зал.

Возбуждённые лица танцующих старшеклассников, их старательные телодвижения вызвали у Даши растерянность. Одно дело— веселье на горке: привычное занятие для загородного отдыха. А тут, в зале,— такое представление!

В дальнем углу высмотрела ёлочку, протиснулась к ней. На душе стало уютнее, всё-таки ещё новогодние каникулы. Ёлка поблёскивала игрушками, подмигивала гирляндой, отсвечиваясь в оконном стекле, наполовину покрытом искристым инеем. А за окном, поверх инея, Даша разглядела в черноте вечера едва заметно проступающий силуэт неподвижных гор.

— И что там интересного?

За секунду до того, как обернуться на голос, Даша увидела в отражении окна за спиной жёлтый свет. Перед ней стоял высокий парень в жёлтой рубашке. Светлые пряди стильной стрижки сдвинуты набок, уверенный взгляд серых глаз. Он аккуратно взял испуганную незнакомку под локоть и отвёл от ёлки. Только сейчас она заметила, что быстрый танец сменился на медленный. Нерешительно положив руки на плечи парня, Даша вдруг ощутила, как тепло от его ладоней, прижимаемых к лопаткам, побежало по всему её телу. Опасаясь, что может сильно покраснеть, как случалось в минуты неловкости, склонила лицо к груди юноши и видела теперь перед собой только серо-коричневый галстук и подбородок с ямочкой. Раскачиваясь в такт музыке, парень пытался разглядеть странную девушку, но та, пряча смущение и синяки под глазами, ещё ниже опускала голову.

Танго закончилось, пары разошлись. Даша, оставшись одна, не могла успокоить волнующую дрожь. Она незаметно поглядывала вокруг, пытаясь найти того, с кем танцевала. Но среди пестрящих одежд жёлтого цвета не было.

Зазвучала быстрая, ритмичная музыка, и, подчиняясь импульсу, все ринулись в центр. Девушки в коротких юбках и платьях игриво запрыгали, перебирая ногами в тонких чулках. Даша не осмелилась к ним присоединиться и отошла в створку, в голове вместе с музыкой прыгали мысли.

Сводящий с ума ритм не кончался, он проникал в уши, мозг, обволакивал всех в единую живую массу.

«Ob-la-di, ob-la-da, life goes on bra. La-la how the life goes on...» — кричал магнитофон.

Но всё стихло, и тут же под знакомое гитарное вступление вновь стали образовываться пары. Сделав безразличное лицо, Даша отвернулась к окну.

— Потанцуем?..

И снова жёлтая рубашка, галстук и тёплые ладони, ещё смелее прижимающие к себе дрожащее тело девушки. Она всё-таки взглянула из-под чёлки и, встретившись глазами с тем, в чьих руках плавно покачивалась, быстро опустила веки.

— Тебя как зовут-то? — неожиданно спросил парень, с лёгкой иронией наблюдая за такой робостью.

— Меня? Дашей,— еле слышно прошептала девочка и ощутила внезапно биение своего сердца. — Александра, значит,— не расслышав имени, улыбнулся мальчишка, хитро сощурив правый глаз.

Даша хотела сказать, что она не Саша, а Даша, но его ладонь вдруг сползла со спины на талию, и Даша будто поплыла и окунулась во что-то зыбкое, приятное. Внутри неё поднялись, заколыхались живые, ранее незнакомые волны, и от этого кружилась голова, слабели ноги. Над танцующими парами висела грусть:

Как же быть, как быть?

Запретить себе тебя любить?

Не могу я это сделать, не могу-у-у-у...

Лучше мне уйти,

Но без милых нежных глаз твоих

Мне не будет в жизни доброго пути-и-и-и...

Но отдаваясь своему состоянию девушка не слышала ни слов, ни музыки— она сама стала музыкой.

— А тебя как зовут? — вымолвила Даша, борясь с желанием прижаться к жёлтой рубашке, явно осязая, как под тонкой тканью дышит его тело, бьётся его сердце.

Его дыхание обволакивало, томило...

— Меня? Валера меня зовут. Вот и познакомились,— только и успел ответить, как закончилась песня, и он отвёл порозовевшую лицом, улыбающуюся девушку на место.

Даша немного пришла в себя и уже с большей уверенностью выходила на следующее танго с Валерой. Двигаясь в танце по залу, они оказались в углу, где стояла ёлка. Но что это? Двое ребят снимали с ёлки игрушки, мишуру и прятали в коробки. И хотя зелёная гостья держалась стойко, пытаясь разжалобить грабителей светом гирлянды, вид у неё был куцый и ободранный.

«Сегодня же последний день в лагере, завтра ни танцев, ни Валеры не будет!» — этот неминуемый факт придавил Дашу, и такая тоска, такое

болезненное состояние охватило её вдруг: она же не сможет теперь жить без этого парня! Сегодня он рядом, и можно к нему прикоснуться. А завтра этого не будет! Не будет! И тогда, решительно потянувшись к уху Валеры, Даша прошептала пересохшими губами:

— Ты дашь мне свой адрес?

— Адрес? А ты на какой улице живёшь?— даже не удивившись, поинтересовался Валера, обхватив уже обеими ладонями девичью талию.

Даша не отстраняла его. Наоборот, сильнее вдавливая пальцы в ткань рубашки, ощущая под ней крепкие плечи, задыхаясь от волнения, пыталась сказать адрес, но затихающие аккорды развели их.

— А ты свой дашь?— шутливо спросил мальчишка чуть хриловатым голосом, отводя девушку к окну.

Она радостно глянула на него блестящими глазами и кивнула.

Валеру окликнули, и он исчез в толпе. Загремела музыка. В это время пожилой невысокого роста мужчина в рабочем халате потащил через зал уже ненужную ёлку. Танцующие, не переставая веселиться, расступались. Ёлка тряслась, осыпая голки, и хвойная дорожка, оставленная ею на полу, до слёз тронула Дашкино сердце.

Кто-то прикоснулся к её плечу.

«Валера?»— предположила Даша, но увидела девочку, не по-доброму глядевшую на неё.

— Давай выйдем, мне что-то сказать тебе нужно,— произнесла та, кивнув на дверь.

Вышли. На площадке перед входом, демонстративно облокотившись на перила, стояли три девицы. Две из них, особенно раскованно танцевавшие в зале, презрительно оглядев Дашу с ног до головы, ехидно заулыбались. Третья подруга, симпатичная, с вьющимися русыми волосами, в модном платье, медленно наклонилась к Дашиному лицу и, скривив тонкие, накрашенные розовой помадой губы, зашипела:

— Ты чё к моему парню прицепилась, а?! Я с ним с первого дня танцую! Припёрлась тут! Не танцуй больше с ним, поняла?!

Злой голос обиженной соперницы испугал Дашу. Она стала защищаться:

— Он сам меня приглашает, я... я не знала...

Даша впервые в жизни осознала, что, не желая того, оказалась кому-то врагом. Но одновременно с этим пришло другое: к ней ревнуют,— и это сильно удивило её и даже придало уверенности.

Девчонки напирали своим количеством, и Даша, отступающая от их гневных лиц, споткнулась и чуть не упала со ступенек, но быстро схватилась за перила и взволнованно крикнула:

— Он сам меня приглашал! Сам!

Она взбежала наверх и, обогнув наглых подружек, вернулась в зал, но Валерки там не обнаружила. Или, может, он не хотел подходить к ней?

Танцы заканчивались, и Даша поспешила в раздевалку, надеясь найти его, но он пропал.

Вышла на улицу. Слабо горящие окна корпусов и редкие фонари выделялись единственными тусклыми точками в темноте. Даше почудилось, будто некто невидимый дышит над ней из этого мрака, успокаивая её беспорядочные разгорячённые мысли. Ей не хотелось идти одной, и она догнала ребят, чьи чёрные силуэты двигались по дорожке.

В корпусе девушка специально выходила из комнаты в надежде увидеть Валеру, но он не показывался. Со стороны разозлившейся на танцплощадке девчонки и её помощниц нападков больше не было. Они, устроившись на кровати, увлечённо что-то обсуждали и лишь пару раз проводили Дашу надменными взглядами.

Даша вынесла и это. Ей запрещали танцевать с Валерой, но думать о нём никто не мог запретить, и она думала: «Если завтра утром он не даст свой адрес, я тогда...»

Что могло бы случиться, она не представляла... Но на всякий случай старательно написала на половинке тетрадного листка свой адрес, имя и фамилию.

Засыпала Даша плохо. Долго лежала с закрытыми глазами, но перед её взором явственно и ярко, наслаиваясь один на другой, возникали сюжеты, происшедшие с нею за неделю. Видимо, не только она боролась с бессонницей: отовсюду слышался торопливый шёпот, смех. Вожатая не нашла другого метода успокоить расшумевшихся школьников, как прогуливаться между рядами коек и своим присутствием влиять на полуночников. Надев поверх шерстяных носков белые босоножки, чудом оказавшиеся в зимнем лагере, блюстительница тишины двигалась в темноте, как маятник, издавая массивными каблуками монотонный надоедливый стук. От этого стука хотелось спрятаться куда-нибудь, он мешал, но, переключившись на посторонний звук, Даша постепенно потерялась в лабиринте своих впечатлений и уснула.

Утром с новой силой окрепли и забеспокоились Дашины тревоги: «Что же дальше? Как же Валерка? Мы уедем в город, и я больше никогда его не увижу?»

Она начала суетливо собирать вещи. Но вдруг, схватив зубную щётку, тюбик с пастой и полотенце, вышла в коридор.

В конце коридора, возле умывальной комнаты, на подоконнике у окна сидел Валерка, и Даша не сразу узнала его в сером джемпере. Рядом с ним пристроился черноволосый паренёк, сверкающий молниями и полосками спортивного костюма.

Даша не ожидала такой встречи. С неумытым, заспанным лицом, в халатике, хотела вернуться, но продолжала двигаться к окну, делая вид, что не знает мальчишек. А ей так хотелось подойти к Валере, поговорить или хотя бы просто поздороваться.

Но от одной этой мысли сердце настойчиво и гулко забилось в груди. И она, опустив глаза, прошла мимо, скрывшись за дверью умывальной.

Там никого, и Даша надолго застыла перед зеркалом, размышляя о происходящем. Повернула кран и, наклонившись, стала чистить зубы. Услышав звук открывающейся двери, вздрогнула и непроизвольно отпрянула, но это зашла девочка. Умылась и в нерешительности взялась за дверную ручку, однако присутствие свидетелей по обе стороны дверей не давало возможности принять разумное решение. Ей ничего не оставалось, как выйти в коридор и отправиться в комнату.

— Александра! Куда же ты? — услышала вдруг за спиной насмешливый Валеркин голос.

Она не оглянулась, но, заходя в дверь, боковым зрением отметила два силуэта на окне.

Сев на кровать, отдышалась, переоделась, расчесалась. Нашла под подушкой спрятанную с вечера записку и, уставившись в неё, задумалась, ругая свою нелепую скромность и неумение свободно общаться. Надо идти на завтрак. Даша сложила записку и взяла с собой, надеясь, что, может, в столовой удастся поговорить с новым знакомым, но всеобщая толкотня мешала этому, и Валерка был не один. Он издали мельком поглядывал на робкую девочку, поедающую кашу, и хитро улыбался. Время завтрака прошло, а вместе с ним и Дашина надежда.

Синяя хозяйственная сумка заполнилась вещами, и на тумбочке остались лишь те предметы, которые могли понадобиться до отъезда: стакан, расчёска, крохотное круглое зеркальце, мыльница, полотенце. На кровати стопкой возвышалось снятое с постели бельё. Дашка, стоя пред тумбочкой и рассеянно глядя перед собой, слышала оживлённую суету за спиной. И эти коллективные сборы ещё раз напомнили: надо торопиться. Спрятав записку в полотенце, взяла пластмассовую мыльницу и, как сомнамбула, выплыла в коридор. Валерка стоял у окна, и, конечно, не один. Он молчал, и Даша, подходя ближе, украдкой взглянув на его руки, заметила, что он тоже смотрит на неё. Но, как пойманная заложница, оказавшись в умывальной, снова бессознательно разглядывала в зеркало своё отражение. Из открытого крана сильной струёй лилась вода.

«Если я сейчас подойду к нему, что мне сказать? Может, отдать записку и уйти? А если он не даст свой адрес? Как же я узнаю, где он живёт?» — спрашивала она саму себя.

Даша мучилась, время шло, надо выходить из умывальной. Появление девушки в коридоре никак не повлияло на решительность Валерки. Он, увидев вчерашнюю знакомую, выходящую с полотенцем, опять заголосоил:

— Александра! Александра! Куда же ты, Александра, уходишь от меня?

Дружок хохотал, и этот смех раздавался эхом в длинном пустом коридоре. Проходившие мимо девочки даже не подозревали о том, с каким смятением в душе шла им навстречу неприметная Даша.

Она сделала ещё несколько надуманных выходов в умывальную, захватывая с собой то стакан, то какой-то мусор, чем окончательно рассмешила Валеркиного товарища. Сам виновник Дашиного конфуза лишь глупо улыбался и кричал:

— Куда же ты, Александра?

Девушка, больше не находя повода явиться в коридоре перед Валеркой, решила выйти на улицу. Но мальчишки исчезли.

Настроение её совпадало с погодой. Будто специально, чтобы стало ещё хуже, дул сильный порывистый ветер, сметающий с дорожек невесомый снег, выпавший ночью. Ветер завывал, раскачивая макушки сосен, поднимал белую пургу над поляной, закрывал туманной пылью горы. Даша остановилась у крыльца. Пытаясь отвернуться от колючего снега, секущего по лицу, завязала белыми пальцами верёвочки на ушанке и надела рукавички. Подошла к горке. Ледяная поверхность ската казалась особенно студёной и гладкой. Подняв картонку, прибитую ветром к ногам, села на неё, порывисто вздохнула, легла на спину и, дёрнувшись всем телом для ускорения, покатилась. В полном одиночестве под мелодию ветра совершила она свой прощальный полёт, глядя в белёсо-серое тревожное небо. Остановившись, лежала на льду, вспоминая вечер первого дня и песню: «Над миром дни летят, а может, годы. Я знаю лишь, что ты живёшь на свете... Я знаю лишь, что ты живёшь на свете... живёшь на свете...» Она мысленно повторяла слова песни и, не понимая окончательно, что с ней происходит, улынулась...

Из корпуса стали выходить ребята. Они шли в столовую. Даша подскочила, отряхнулась и, спотыкаясь о комья снега, поднялась от горки на дорожку, пытаясь узнать среди идущих мальчишек Валерку, но напрасно.

Он явился позже, прошёл мимо, сел. Казалось, её больше не волновала мысль о невозможности поговорить с Валерой. Он находился совсем близко, за соседним столиком, и этого было достаточно в данный момент.

Девочка машинально ела, прислушиваясь к чужим разговорам, и, как всегда, молчала. Обед закончился.

«Автобусы должны приехать в три часа. Осталось совсем мало времени. Скоро домой, домой... школа, уроки, родители... — представляя свою дальнейшую жизнь, Даша вновь с отчаянием осознала: в ней не будет Валеры. — Почему он смеётся надо мной? Ведь он сам меня выбрал вчера, сам увёл от ёлки. Меня даже побить хотели из-за него!

А сегодня он такой странный, не подходит. Может, тоже стесняется при всех?» — гадала Даша, сидя на кровати, отстранённо следя за компанией девочек, сгрудившихся около вожатых. Они переговаривались, шутили, не обращая на неё внимания. Воспользовавшись этим, Даша незаметно вышла в коридор, держа в кулачке измятую записку. Она для вида зашла ненадолго в умывальную, вышла, глянула на пустой коридор и быстро забежала на второй этаж. Остановилась, чувствуя учащённый пульс.

«А в какой комнате искать Валерку?»

Преодолевая робость, заглянула в первую дверь — здесь нет его. Обитатели помещения, увлечённые сбором в дорогу, не заметили её. Когда из другой двери вышел невысокий мальчишка, Даша встала у него на пути и судорожно прошептала: — Ты не знаешь, в какой комнате Валера? Можешь позвать его?

Сказав это, удивилась своей смелости, но отступить было поздно. Мальчишка, сделав задумчивое лицо, секунду соображал.

— А! — вскрикнул он и скрылся в дверях.

Даша застыла. В коридор вышел Валерка. Он смутился, увидав Дашу, нервно оглянулся на дверь. Подошёл:

— За мной сейчас отец приедет на машине, я уезжаю.

Его глаза уже не смотрели так уверенно, как в тот вечер, когда он пригласил её танцевать и когда позже окликал, сидя на подоконнике. Они были такими же серыми, как его джемпер, как холодное серое январское небо над головой Даши в тот момент, когда она в последний раз скатывалась с горки.

— Возьми. Это мой адрес, — голос дрожал, но рука девушки протягивала записку.

Он взял записку и, медленно отходя от Даши, полушёпотом произнёс:

— Подожди тут.

Даша замерла. Она ждала, и это ожидание превратилось в нетерпение. Валерка вышел в коридор и, пока приближался, внимательно глядел ей в глаза. Он держал обрывок бумаги и, подавая его, недоверчиво усмехнулся:

— Держи адрес.

Даша несмело, стараясь улыбаться, разглядывала Валеркины глаза, брови, ямочку на подбородке, губы, шею, ворот жёлтой рубашки, лежащий поверх горловины джемпера. Там, на танцах, в полумраке, ей даже не удалось хорошенько рассмотреть его — какой он. Только почувствовала, как тает и поёт сердце рядом с ним.

— Мне надо идти, скоро отец подъедет, — Валерка поднял руку, словно хотел коснуться плеча девушки, но тут же, согнув её перед собой, взглянул на часы, показавшиеся из-под рукава, развернулся и ушёл в комнату.

Держа в руках заветную записку и не веря случившемуся, Даша ещё секунды три постояла в коридоре и спустилась вниз.

У неё появилась идея выйти на улицу и посмотреть, как Валера пойдёт к машине, как сядет в неё и как машина будет уезжать с территории лагеря, но она усилием остановила себя и, уединившись, незаметно разглядывала бумажку с Валеркиным почерком. Из оцепенения её вывел громкий голос вожатой Любы:

— Автобусы пришли! Проверяем, чтобы ничего не забыли, и выходим!

Уже сидя в автобусе, Даша посмотрела в заморуженное окно на одиноко стоящий вдали корпус, на горку. Взгляд скользил по склону, погружавшемуся в ранние сумерки, по забелённым снегом макушкам сосен... Затуманенное застекольное изображение, перечёркнутое ледяными царапинами, казалось неживым. Затарахтел мотор, а Даша всё смотрела и смотрела. Сразу за воротами дорога шла под гору; автобус качнулся, тронулся с места, и картинка исчезла.

Весь обратный путь до города девушка пробыла в забытии. В сумке лежал Валерин адрес, и вроде можно успокоиться и радоваться этой удаче, но мимолётность внезапного счастья и скорая разлука огорчали.

Автобусы высадили прибывших пассажиров в положенном месте у проходной предприятия, выдавшего путёвки школьникам в зимние каникулы, и Даша отправилась домой, разочарованно глядя на серый снег и мусор вдоль забора. Город погружался в сизый сумрак. Прошла длинную аллею сквера, свернула к зданию института. Пересякая круглую площадь перед ним, именуемую в городе «пяточком», удручённо глянула в сторону широкого проспекта, уходящего в туманную перспективу. Но внезапное прозрение заставило её убыстрить шаг: ведь Валерка уже в городе, совсем близко, судя по его адресу.

Когда отец открыл дверь и Даша зашла в квартиру, казалось, она вернулась в далёкое прошлое, где ещё не было ни лагеря, ни злополучного столкновения на горке, ни даже Валеры. На том же месте стояла ёлка, на том же месте лежала её недочитанная книга, всё в квартире было как прежде, но только теперь Даша стала другой.

Мама ещё не приехала; отец, рассеянно глядя на дочь, ограничился несколькими вопросами, предложил поесть с дороги и уткнулся в газету. Пока Даша пила чай на кухне, он из комнаты посмотрел на неё поверх газеты долгим выцветшим зеленовато-пепельным взглядом, но ничего не сказал. Молчала и Даша. Её устраивало, что отец трезвый. Когда он выпивал, как случилось иногда, она боялась его грубости и жалела маму.

Остаток дня Даша провела в своём уголке у окна, за письменным столом. Перед ней лежала тетрадь с её стихами, написанными прошедшим летом, но мыслями она парила далеко. Даша понимала: ждать послания от Валеры придётся долго. Не будет же человек, вернувшись домой, сразу садиться за письмо. Но какая-то совсем фантастическая надежда на то, что завтра утром или, скорее всего, вечером в почтовом ящике обнаружится конверт, давала силы. С этой надеждой Даша ночью неожиданно быстро уснула.

Утро развеивало вечерние иллюзии. Отец ушёл на работу, и, оставшись одна, девушка затосковала. За окном сгустился туман, в квартире холодно, неразобранная сумка с вещами стояла возле кресла. На душе хмуро, неопределённо. Всё случившееся недавно в лагере и давящая сейчас тишина пустой квартиры никак не вязались друг с другом. Даше подумалось: «А может, ничего и не было?»

Она сидела на диване, подперев голову руками, и глядела на мамину кофту, повисшую розовым пятном на спинке стула. Пробуждающийся рассвет медленно и несмело выбеливал обледеневшие стёкла окон.

Даша поднялась, выключила свет, отправилась на кухню, нашла на сковородке глазунью, оставленную для неё, подогрела на плитке чайник, заглянула в пластмассовую хлебницу. Положив глазунью и хлеб на тарелку, вернулась в зал, поставила тарелку на газету, постеленную на угол полированного стола, и включила телевизор.

Любовь—это то, что ребятам понять не дано.

Любовь—это то, что бывает во взрослом кино.

Бывает и в жизни любовь, говорят,

Но это, но это, но это, конечно секрет для ребят...

На экране шёл весёлый музыкальный фильм, но слова песни лишь добавили к Дашиному страданию ещё одну каплю грусти. Её сердце, наполненное печалью, тоже не могло понять, что с ним случилось. Любовь? Любовь... Не хотелось ни есть, ни смотреть кино. Всё же немного поела, выключила телевизор. Отнесла посуду на кухню и снова села на диван.

«А может, Валера уже написал письмо и сам бросил в почтовый ящик?»—выдумала девушка.

Скорее в подъезд! Валенки на голую ногу, пальто на плечи—и Дашка бежит по ступенькам на первый этаж, где на пыльной стене висят помятые жестяные ячейки. Ей почудилось, будто в дырочках дверцы белеет конверт.

«Письмо!»

Ключ, как нарочно, застрял в скважине, не проворачивался. Но ящик был пуст...

Письма не было и в полдень, когда Даша, уходя в магазин за хлебом, заглянула в него и когда с авоськой торопливо зашла с морозной улицы в полумрак подъезда. Письма не было.

Вечером вернулась мама. Одиночество тяготило девушку, но присутствие родного человека оказалось ещё более серьёзным испытанием. Она пыталась притворяться, как будто ничего не произошло. Но мама сразу же заметила изменения в дочке. В первую очередь—ещё не прошедшую желтизну под глазами. Ёжась от пристального материнского взгляда, Даша в общих словах описала причину своего нездорового внешнего вида. Но разве она могла поделиться тем, что терзало её сердце? Когда в прошлом году мама обнаружила её тайник с дневником—единственным доверительным свидетелем девичьих секретов, то устроила серьёзный допрос по некоторым подозрительным и неприличным для неё фразам, Даша тогда от расстройства хотела совсем уйти из дома. С тех пор она не вела дневников.

Если бы мама увидела свою дочь в тот вечер после травмы на горке, наверное, сильно разволновалась бы. А сейчас, обхватив обеими ладонями смущающееся лицо Даши и внимательно изучив последствия ушиба, только досадно вздохнула. Потом пожурила за невнимательность к самой себе и напомнила о подготовке к школе—каникулы закончились.

Пришёл с работы отец. Начались разговоры о маминной поездке к родственникам, о морозах и туманах, не дающих совершать самолётам рейсы в необходимое время, из-за чего мама целых два дня потратила впустую на ожидание, о квитанциях за квартиру, о продуктах и, конечно, о том, что ёлку уже давно пора убирать.

Всё происходящее в семье мало интересовало девушку. Закрывшись в дальней комнате, сидя за письменным столом под светом лампы, Даша в задумчивости перебирала тетради и учебники. Сложила в портфель необходимые из них и, прислушавшись к разговорам за дверью, вынула из глубины стола голубую тетрадь, обёрнутую восковой калькой. Тетрадь со стихами—тоже своего рода дневник секретов и тайн. Но до него мама ещё не добралась. Наверное. Даша начала писать стихи в прошлом году, но за это время их собралось не так уж много.

Аккуратные строчки, написанные то шариковой ручкой, то любимой авторучкой, заправленной синими чернилами, пестрили разными почерками. Вот буквы наклонились вправо, здесь влево, а тут вообще вытянулись вверх, как по команде. И сейчас, глядя на свои творения, девушка задумалась, перенеслась в недалёкое прошлое, где снежное раздолье, голубые сумерки и, конечно же, Валера. Перед ней проплыли подробности прощальной встречи, его рука с запиской, подборонок с ямочкой...

Закрытая тетрадь исчезла в залежах стола, но где-то там, в глубине беспокойной Дашкиной души, уже началась тайная работа: и яркие

воспоминания, и тоска, и несбыточные мечты — всё это переплеталось между собой и как бы само по себе складывалось и рифмовалось.

В этой отрешённости Даша встала и направилась к шкафу. Вынула школьную форму, долго невидящим взглядом смотрела на белый воротничок с кружевной отделкой, сшитый ею ещё перед поездкой. Вдруг снова села на стул, уронив коричневое платье на колени, уставилась в узор на портьерах, несколько минут сидела неподвижно и тут же, резко дёрнув ящик стола, вынула тетрадь в кальке, открыла на чистой странице и начала писать:

Быть может, потому случилось всё тогда,
Что это был последний вечер встречи.
И вспоминали все в тот день, грустя,
Что был когда-то самый первый вечер.
В тот самый первый зал огнями цвёл,
И ёлочка в углу его стояла.
В последний вечер видели мы все,
Как ёлку эту вынесли из зала.
У чьих-то глаз запряталась слеза,
И о разлуке в сердце грусть запала.
Ведь виделись здесь все в последний раз —
Кому-то это смелость придавало...
Кого-то кто-то странно пригласил,
Кого-то с кем-то вдруг заметили и... Но
Все знали, что придёт разлуки час
И встретиться потом не суждено...
Быть может, зная это, как и все,
В конце начало сделать ты решил
И потому так смело подошёл,
Меня с собой на танец пригласил.
Потом расстались мы с тобой, не зная,
Что принесём друг другу много бед...
И это танго, и твоя рука
Оставили для нас жестокий след.

Вызревшие в стихах эмоции брызнули редкими каплями слёз на страницу, размывая написанные синими чернилами слова, но девушка не обращала на это внимания, пока не вывела последнюю строчку. Стало немного легче, будто поделилась с кем-то, рассказала, как ей трудно. Высохли слёзы, форма заняла своё место в шкафу, тетрадь со стихами — в столе.

В квартире аппетитно запахло супом. Даша выключила лампу под чёрным колпаком и вышла к родителям на кухню.

«Всё-таки хорошо, что мама вернулась, даже в квартире теплее стало», — подумала она, подсаживаясь к столу. Ужин был готов: хозяйка в домашнем платье и переднике разливала по тарелкам вермишелевый суп с мясными фрикадельками, в центре стола возвышалась миска с отварной картошкой. Были тут и гостинцы, привезённые от родных: солёная рыба, сало, ватрушки с брусничкой, варенье из черники. Отец, довольный, сидел на своём

месте с ложкой в руке. Мама поставила рядом с картошкой салатницу с квашеной капустой и тоже села. Вроде бы всё обычно, но дочка не может, как раньше, открыто взглянуть родным в глаза. Сидит как чужая, ест молча. И даже белые шерстяные носки, связанные бабушкой и отправленные специально для неё, неприятно колют голые ступни. В мыслях ещё крутятся строчки только что написанных стихов, и сама она вроде бы как не здесь. — Ты хорошо себя чувствуешь? Что-то невесёлая такая, — мама потрогала лоб дочери.

От тепла маминой ладони захотелось расплакаться, рассказать всё как есть, но Даша, ещё ниже опустив голову, лишь вяло улыбнулась:

— Нормально...

— Нормально?!

Мама словно почуяла что-то, и по взгляду её внимательных карих глаз, по сдвинутым на переносице красиво изогнутым бровям и по напряжённому узкому подбородку это сразу стало видно. И от этого пристального взгляда Даше некуда было деться. Она торопливо допила чай и хотела убрать со стола тарелку, но мама молча показала рукой на дверь, и девочка охотно удалилась.

После, лёжа на диване под одеялом, осознавая себя защищённой в домашней обстановке, вздыхала и вспоминала лагерь. Вверху включили на всю громкость магнитофон — это развлекались рыжеволосые братья Табачковы, их трое. И полились в Дашкины уши узнаваемые с первых аккордов, так как проигрывались почти каждую ночь, песни «Битлз». А одна из них — о девушке — особо глубоко бередила и без того возбуждённый мозг лежащей в темноте девчонки. Отец ворчал и ругал парней, но Даше музыка не мешала. Под её лирические мотивы она ясно представляла ячейку почтового ящика и белеющее в нём письмо. Может, завтра так оно и будет?

Но ни завтра, ни послезавтра письма не было, только торчали отцовские газеты. И тогда девочка решила найти Валеркин дом. Внимательно изучив адрес на записке, в один из ветреных вечеров, пока родители не пришли с работы и когда ещё всё видно, но каждую минуту становится всё темней, она отправилась по указанной улице.

Заветный дом нашёлся недалеко от привычного места обитания Даши: обыкновенная кирпичная пятиэтажка, окнами на памятник вождю, установленный в центре сквера неподалёку от шумного проспекта. Но для неё это место стало вроде магнита, притягивающего её сознание.

Девушка присела на холодную лавочку под голым клёном — не потому, что устала, просто сердце её забило чаще от такой близости к заветному дому. Не дав себе успокоиться, рассматривая прямоугольники окон, принялась лихорадочно соображать, где может находиться Валеркина

квартира: «Дом почти такой же, как у нас, значит, можно всё вычислить. В каждом подъезде по двадцать квартир. В первом? Во втором? Нет! В третьем? В четвёртом! Окнами на сквер! — Даша чуть не подпрыгнула от этого открытия. — Четвёртый этаж, окна на сквер! В окнах свет, а за ними — он!» Хотелось побежать туда, позвонить или постучать, но встрепенувшееся чувство гордости или страха остановило этот порыв, заставив поспешно уйти, пока её не заметили...

Теперь каждый Дашин день начинался и заканчивался надеждой, что Валерка всё-таки напишет ей. Она и в школу торопилась, чтобы по пути проверить почту. Из школы скорей домой — её ждёт письмо! К тому же боялась: а вдруг мама или отец вынут конверт раньше неё? Но родители жили как обычно, и, зная излишнюю мамину строгость по отношению к ней, Даша рассудила так: раз молчат, значит, письма не было.

В классе за партой думы о Валере отвлекали от учителей, уроки тяготили, время тянулось медленно и казалось бессмысленным. Но четверть только начиналась, и повторяли пройденный материал. А когда пошли новые темы и домашние задания, для измученной девочки наступили совсем нелёгкие дни: она стала хуже учиться, осунулась, неохотно общалась со сверстницами.

И только когда их класс собрался на квартире у кареглазой активистки Маринки отметить мужской праздник — двадцать третье февраля, где все расслабились и стали играть в «бутылочку», разоблачающую тайные симпатии, Дашка не выдержала. Выпив шампанского и выслушав сбивчивый монолог о несчастной любви своей захмелевшей соседки по парте Светки, вдруг призналась ей, что тоже влюблена в одного парня, а он ей не пишет. Света, в свою очередь, что-то слезливо пробормотала о мальчишеском предательстве, после чего обе девушки, сидевшие поодаль от крутящейся на полу зелёной бутылки, обнялись и заплакали друг другу.

Кто-то включил магнитофон, и парочки, успевшие поцеловаться во время игры в «бутылочку», охотно перешли на медленное танго. Кому не хватило мальчишек, принялись доедать пирожные безе — фирменное угощение чьей-то мамы, специально приготовленное ради праздника. Маринина мама помогла накрыть стол и давно ушла, оставив дочь с гостями.

— А чего твой не пишет? Может, адрес потерял? — очнулась от слёз Светка, вытаращив на Дашу жёлто-серые влажные глаза.

У Даши всё затрепетало внутри от этих слов. Она ясно представила, как несчастный Валерка ищет её по всему городу и мучается не меньше неё. — А ты сама писала ему? — продолжала подруга со знанием дела в голосе, шмыгнув крупным носом.

— Нет, но адрес он дал! — от такого неожиданного поворота взбодрилась Дашка.

— Так напиши первая, и всё нормально будет, — Светлана провела ладонью по серым, слипшимся от духоты волосам и снова сделалась хмурой. — А мой даже смотреть на меня не хочет.

Обделённая вниманием страдалница украдкой глянула на симпатичного высокого Серёжку, недавно пришедшего в их школу, любимчика многих девочек класса. Серёжа нежно держал в руке маленькую ладошку светловолосой Олечки, а та кокетливо светилась голубыми глазками. Рядом с ними, о чём-то шепчась, переступали по крашенным половикам хозяйка квартиры и другой Серёжа — уверенный в себе юноша с красивым профилем.

Ещё несколько пар теснились в медленном танго в малогабаритной хрущёвке на пятом этаже: Валера с Наташей, ещё один Валера с Любой, Саша с Галей, Коля с Ирой, Игорь с Валей.

Светка протяжно вздохнула. Её голова обречённо упала на Дашино плечо, а сама Даша сидела как оглушённая.

«И как я сама не могла додуматься до этого — написать письмо?! Но ведь девушки не пишут парням первыми, это нескромно, парень первым должен! Но я же первая попросила тогда адрес у Валерки, не постеснялась, а теперь вдруг стала скромной? Как всё просто: человек потерял адрес, и куда ему писать? Точно потерял, он же тогда очень спешил, из-за отца», — эти размышления так окрылили её, что она готова была сейчас же бежать и садиться за письмо. Но Светка опять начала всхлипывать, и Даша, глядя её по тёплой макушке, вздыхала и безучастно смотрела на танцующих.

После вечеринки возбуждённые вином и танцами школьники вывалились гурьбой на морозный воздух. Расставаться не хотелось, и все направились до остановки провожать тех, кто живёт в другом районе города. Когда дошли до перекрёстка улиц, Даша увидела вдали в зимнем вечернем мареве знакомый дом.

«Там сейчас Валерка сидит за письменным столом и, может, читает или вспоминает обо мне. Как же он мог потерять адрес? А теперь ждёт, наверное, письмо или ищет меня, а я тут иду...» — и девушка вдруг метнулась в сторону манящих светом окон, отбежала от всех, будто хотела кого-то спасти или сама спасалась от невидимого врага, но тут же резко остановилась, нелепо взмахнула рукой, обвела невидящим взглядом удивившихся одноклассников и, смущённо опустив голову, вернулась к ним.

— У тебя там что? Может, бумажку дать?! — съехидничала остроногая модница Ирка.

Остальные равнодушно захихикали. Только Света внимательно и вопросительно посмотрела в глаза потерявшей контроль над собой подруге.

— Там он живёт, на четвёртом этаже, — сдавленным голосом призналась Даша и расстроилась из-за своего глупого поступка.

Но весёлая компания уже забыла о ней.

Ещё долго топтались на скользком тротуаре остановки, прыгали, чтобы не замёрзнуть, всех проводили и разбежались. Даша, подходя к своему дому, решила: надо именно сегодня написать Валерке.

Вернувшись, наконец, в тепло, зашла в ванную, посмотрелась в зеркало. На её синюшных от февральского ветра губах застыла восторженная улыбка, глаза блестели, а промёрзший шмыгающий нос победно вздёрнулся. Перебарывая нетерпение, вымыла руки и, отказавшись от ужина, проскочила мимо отца, освещённого экраном телевизора, в свой уголок. Мама, конечно же, зашла следом, спросила про вечеринку. Дашка ответила, что всё было хорошо, и сделала спокойное лицо. Мама вышла из комнаты, прикрыв дверь, — наверное, тоже села смотреть телевизор, там фильм начался.

«Завтра выходной, и уроки можно не делать. Письмо, письмо! Наконец-то я смогу сказать ему о своих переживаниях. Как же я так долго терпела и не писала, а ведь он ждал. А я всё ящик почтовый проверяла. Сейчас напишу ему и адрес напомним, и он обязательно ответит», — крутились бесконечной спиралью девчоночьи думы, то окрыляя, то снова навевая неуверенность.

Даша сняла и бросила на кровать шёлковое розовое платье, перешитое мамой из своего, надела халатик и села за стол. Выдернула из толстой тетради лист, положила перед собой. Задохнулась от нахлынувшей смелости, как тогда, в лагере, когда спрашивала имя у незнакомого парня, и после, когда протягивала ему записку с адресом.

Любимая ручка с синими чернилами в руке — и строчки, послушные сердцу и эмоциям, торопясь и волнуясь, побежали по линейкам.

«Здравствуй, Валера. Уже прошло шесть недель, как мы уехали из лагеря, а я не могу забыть тебя. Ты не пишешь мне, и я подумала: может, ты тогда торопился и потерял мой адрес?..»

Даша ничего не могла скрыть от того, кому почему-то поверила, она искренне писала своё послание и грустила и радовалась одновременно. Где-то в глубине её наивной души скребла досадная помеха: как-то всё не так в этой истории, не нужно ей искать внимания у парня, когда-то пригласившего её на танец. Но ведь он дал адрес, а мог бы просто уйти. Сомнения разбедали душу, но сама Дашина сущность, отмахиваясь от них, безудержно и бездумно рвалась вперёд.

«Письмо написала, осталось конверт найти. У мамы спрашивать нельзя, сразу начнутся вопросы. Придётся завтра искать. Завтра письмо будет отправлено, и тогда всё станет ясно, тогда он...»

— Ты спать сегодня собираешься? — неожиданно раздавшийся за дверью голос мамы прервал суматошную вереницу мыслей в горячей Дашкиной голове.

Потревоженная дочь быстро прикрыла письмо заранее открытым учебником, как делала не раз, застигнутая врасплох за чтением художественных книг.

— Сейчас! — бойко отозвалась Даша и удивилась такой непринуждённости.

Действительно, ей вдруг стало легко. Она спрятала подальше письмо, платье повесила на плечико. Ему висеть в шкафу вместе с голубой кофточкой, с той, к которой... тогда... прикасались его ладони...

Когда в квартире все улеглись и погас свет, а часы на серванте начали свою монотонную, еле слышимую, но невидимую ночную смену, лишь одно девичье сердце стучало настойчиво и пылко, не желая засыпать.

Утром не выспавшаяся Даша тайком от родителей нашла в шкафчике чистый конверт, прятала его в своём столе. Улучив момент, старательно вывела в нужном месте адрес назначения и ещё более разборчиво — адрес отправителя. После завтрака её послали в магазин, и это как раз было кстати — отправить письмо надо как можно раньше.

Поднося конверт к щели синего ящика, прибитого на углу почты, Даша опять ощутила ту упорную энергию неотступности от задуманного, овладевшую ею ещё в лагере. Она затаила дыхание, потом резко вздохнула, и конверт, выпорхнув на выдохе из рук, исчез в глубине почтового ящика. Это стало началом нового ожидания.

Однообразная череда дней с повседневными заботами об уроках, школе, скучными домашними поручениями томительно навалилась на Дашу. Её уделом стало всё с той же механической настойчивостью каждый раз заглядывать в пустое нутро подъездного ящика, оставляя в душе надежду на лучшее.

А письма всё не было...

Как-то вечером в выходной Даша пробиралась по гололёду в дальний магазин через малознакомый квартал. Машинально вглядываясь в белёсые жестянки с номерами домов, похожих один на другой, вдруг заметила, что один из номеров ей очень знаком.

«Это же Валерин номер! Нет, у него другой, если только цифры переставить, но буква „а“ тоже есть, и улица та же. А какой же номер я на конверте написала? Может, перепутала и письмо не туда попало? Что же теперь делать? Он, наверное, потому и не отвечает, адреса-то так и не узнал!»

Переходя улицу и стоя в магазинной очереди, Даша думала о письме, ей не терпелось выяснить для себя правду. А как?

Над миром дни летят, а может, годы.
Я знаю лишь, что ты живёшь на свете...

«Надо ещё раз написать и внимательно посмотреть адрес. Сама виновата!» — она даже обрадовалась очередной надежде, у неё снова появилось оправдание для молчавшего до сих пор мальчишки.

Возвращаясь тем же путём, девочка всё-таки отчаялась проверить на месте свои предположения. Подойдя к подъезду дома-двойника, остановилась и нерешительно потянула за ручку двери, вошла и тут же бесстрашно устремилась наверх.

На нужной площадке остановилась, задохнувшись от внезапности своего поступка.

«А если он как раз здесь живёт и сейчас сам откроет дверь?!» — от этой мысли у Дашки закружилась голова, подкосились ноги, но её палец неуверенно нажал на кнопку.

Отголосок звонка внутри квартиры и последующий за ним топот чьих-то ног перепугали её, сразу захотелось сбежать вниз. Открыла немолодая женщина в цветном платье. Дашка молча стояла перед ней.

— Тебе кого, девочка? — женщина, прищурившись, разглядывала растерявшуюся девчонку-подростка в мужской шапке и с хозяйственной сеткой в руке. — К вам не приходило недавно чужое письмо для Зайцева Валеры? — еле слышно проговорила девушка, затравленно отводя взгляд.

— Что ты говоришь? Письмо? Где? — хозяйка квартиры наклонилась к гостье.

— К вам письмо чужое не приходило? — страдальчески мучилась стоявшая в полумраке лестничной клетки девчонка.

— Нет, ничего не получали, только газеты. А кто писал? — любопытничала женщина, но пугливая незнакомка попятилась к лестнице.

— Спасибо, — ответила Даша, развернулась — и скорей на улицу.

Выскочила, запыхавшись, в чужой двор, на миг потеряла ориентацию и снова направилась в сторону магазина, но, опомнившись, повернула назад и прошла мимо подъезда, где только что была.

«Значит, письмо попало куда надо — к Валерке. Сюда оно не приходило, а если бы он тут жил, то бабушка точно сказала бы. Если бы письмо пришло сюда, можно было бы объяснить, почему нет ответа», — делала выводы Дашка, но это были неутешительные выводы.

Брела, понурилась; авоська со свёртками цеплялась за пальто, стёртые подошвы валенок то и дело скользили по хрустящему, как стекло, грязному снегу. Посмотрела вверх. Абсолютно безоблачное небо, продутое насквозь ветрами, казалось невозмутимо-прозрачным, и в этой фиолетово-синей чистоте мигали и переливались первые звёзды. Даша, вглядываясь в открытое пространство над крышами, на мгновение перенеслась в прошлое, увидела себя лежащей на льду, услышала вдруг хрустальную мелодию песни:

Вновь, как прежде, нежные звуки понесли её в неразгаданную, неизвестную страну любви, где от таких только слов, как в этой песне, можно стать счастливой...

В подъезде остановилась перед почтовым ящиком, как всегда, заглянула в круглые дырочки. Что-то белело в его глубине! Боясь снова ошибиться, Дашка, повесив сетку на согнутую руку, открыла дверцу. Прямоугольник письма магическим символом выделялся в черноте. Схватив его и прижав к груди, девушка торопливо щёлкнула ключиком и, подойдя ближе к слабому свету лампы, склонилась над конвертом. Дыхание её участилось, ладони вспотели, и через пелену слёз, увлажнивших глаза, она прочитала, кому было предназначено письмо.

«Это мне, фамилия моя!» — ликовала Даша.

Но после фамилии стояло не её имя, а отца. Обратный адрес окончательно разочаровал: письмо от тёти из деревни. Ещё несколько раз перечитав адреса, как будто от этого могло что-то измениться, уныло поднялась на третий этаж. Перед дверью остановилась, попыталась успокоиться. Хорошо, что открыл отец. Даша сразу протянула ему конверт и продукты, разделась и шмыгнула к своему столу. Дверь специально не закрыла, и ей было хорошо слышно, как отец читает маме письмо от его родной сестры. В их семье часто писали письма родственникам и открытки посылали на праздники. Но сегодня от отцовского чтения ей ещё больше хотелось плакать. В письме тётя интересовалась их жизнью, рассказывала о своих деревенских новостях: кто умер, а кто женился. Всё так понятно и просто. Почему же у неё ничего не получается с этими письмами? Почему он не пишет? Сколько ждать?

Весь вечер после ужина ушёл на подготовку к завтрашнему дню: форма, уроки, тетрадки... Всё делала привычно, заторможенно. А потом бессонная ночь и тысячи мыслей в голове.

Назавтра, придя из школы, одна в квартире, Даша, так долго державшая свои огорчения в себе, тихонько всплакнула. Потом вынула из стола тетрадь со стихами, прочитала написанное ранее и, провалившись в туман воспоминаний, написала новое стихотворение:

Каждый день я почтовый ящик
Проверяю, а писем нет.
Но я буду ждать, слышишь, буду
От тебя голубой конверт!
Этот адрес, твой странный адрес,
Что ты мне тогда подарил.
Ты не знал, кем ты стал однажды,
Когда рядом со мною был.

Может, всё ты принял за шутку?
Может, всё я взяла всерьёз?
Но теперь мы никак не можем
Между нами решить вопрос.
Ты молчишь, не даёшь ответа,
Чтоб тебя я могла понять.
Хоть бы строчку, одну лишь строчку,
Чтоб судьбу мне свою узнать.
Каждый день я почтовый ящик
Проверяю, а писем нет.
Но я буду ждать, слышишь, буду
От тебя голубой конверт!

Перечитав своё отчаянное откровение, отыскала чистый конверт, купленный на сдачу в киоске, приготовила лист из тетради.

«Здравствуй, Валера.

Я отправила тебе письмо. Может, оно потерялось, и поэтому ты не пишешь. А может, ты ошибся в адресе. Посылаю тебе ещё раз свой адрес. Напиши, пожалуйста, мне, чтобы я знала, что ты получил моё письмо...»

Даша хотела написать в письме и своё стихотворение, но засомневалась и опять нелепо, по-детски, объяснила непонятливому парню о своём желании хотя бы переписываться с ним. Запечатав конверт, быстро оделась и выскочила на пропитанный предвесенними запахами двор. Ноги сами бежали к почте, к безучастному к чужим слезам ящику, к этому молчаливому временному хранилищу сердечных мук. Письмо, сорвавшись из озябших Дашкиных пальцев, улетело внутрь ящика, и теперь шесть или восемь дней, по подсчётам девочки, она будет ждать ответ.

Наступило восьмое марта. Именно на этот день очень рассчитывала неопытная влюблённая, мечтала: может, Валера собирается удивить её, написать именно в этот праздник. Ведь она в первом письме поздравила его с двадцать третьим февраля. Они с девочками всех мальчишек в классе тогда поздравили. И мальчишки их тоже поздравили с восьмым марта, и все девочки перед уроками нашли у себя в парте какой-нибудь подарок. У Даши лежала книга.

Не удивил, не написал. Тогда в тоскующую душу Дашки запало первое подозрение: а может, Валерка дал ей чужой адрес? Но её сердце тут же отбросило эту коварную версию: «Нет, не мог так поступить человек, я же видела его лицо, когда он протягивал мне записку. Он тоже переживал, что приходится расставаться,— ввухала сама себе Дашка.— Может, он просто не любит писать письма, ему некогда, у него много друзей или родители мешают? А может, они прячут от него её письма?»

Последнее предположение было посерьёзней версии с неправильным адресом, но Даша и на эту преграду закрыла глаза. Ей хотелось верить

в лучшее, и пока у неё была эта вера, она не перестанет ждать ответа.

Её тетрадоочка со стихами пополнялась новыми откровениями, после чего на какое-то время становилось немного легче. Но сами стихи продолжали грустить.

Все обсуждали её за то,
Что так танцевала.
Что для них это кажется стыдным,
Она вовсе тогда не знала.
Приглашал он её на каждое танго,
А другие смотрели с завистью.
А потом она догадалась,
Что он ей почему-то нравится.
Она счастлива была на той последней массовке.
Он, быть может, не знал, что для неё это значит.
А ей полюбился очень
Этот странный и смелый мальчик.
А потом ей вдруг сказали:
«Не танцуй больше с ним, поняла?!»
А ей хотелось с ним большего,
Она ближе его звала.
Но вдруг всё оборвалось мгновенно,
Это последнее танго пропало.
Что больше с ним не встретится—
Она этого не представляла!
Очень мало она его ощущала,
Даже слова не сказал он на прощанье.
Сразу вдруг так стало одиноко,
Только встретились—и сразу «до свиданья»...
Только адрес остался от этой встречи,
Да и этому можно не верить...
Будет плакать, писать куда-то,
Повторяя: «Валерка, Валерик!»

Девочка, поборов в себе все внутренние доводы о напрасном ожидании, снова написала письмо. В нём ничего не требовала, не укоряла, просила только ответить, хотя бы одно слово написать. Но так ничего и не дождалась.

Школьные отметки за третью четверть в дневнике подтвердили мамины опасения: с дочерью после поездки в зимний лагерь и её травмы что-то случилось. А как узнать? Ведь Даша и раньше была молчаливой и замкнутой, а теперь на все её вопросы лишь упрямо глядит исподлобья и ничего не рассказывает. В весенние каникулы мама уговорила её сходить в поликлинику, сама пошла с ней и, зайдя в тесный, давно не крашенный кабинет, рассказала врачу о случае на горке.

— Сотрясение мозга. Надо было, конечно, сразу тогда госпитализировать девочку, а теперь только эмоциональный покой, смена обстановки, и вот это пусть попьёт,— толстощёкая докторша положила на стол перед Дашей рецепт.— Сходите куда-нибудь, развейтесь от уроков, погуляйте, а летом

на природу,—советовала она вслед уходящим посетительницам.

Всю обратную дорогу до дома девушка чувствовала себя замученной жертвой. Мама же, точно пытаясь загладить свою вину за позднее обращение к врачу, старалась успокоить дочь и строила планы на будущий отдых. Даша отрешённо молчала.

И правда, в ближайший выходной день мама предложила пойти с ней на день рождения к своей приятельнице Маине Николаевне. С её дочкой Галей Даша и ездила в тот единственный раз в летний пионерский лагерь, где у них вышел неприятный конфликт из-за Гали. Галя пожаловалась своей маме на поздние посещения их палаты парнями из отряда горнистов. Их ещё в шутку называли духопёрами. Мама, конечно, к вожатым, а те—к пионеркам-нарушительницам. А нарушительницы решили, что «настучала» на них Дашка, потому как её мама тоже в тот день приезжала в лагерь. И когда разозлённые любительницы ночных интриг ей прямо заявили об этом, Даша постаралась объяснить, что никому не жаловалась и не знает, кто их выдал. Ей поверили. Тогда вычислили Галю, набросились на неё, съязвив, что это она от зависти наябедничала, потому что мальчишки не к ней целоваться по ночам ходят. Галка, считая свои действия правильными, отмахнулась от назойливых красавиц, но упрекнула подружку за предательство. Даша огорчилась, что так вышло. А разве надо было взять всю вину на себя, будто она сама жаловалась своей маме?

Но постепенно все разбирательства затихли, в отряде восстановились мирные отношения, и подруги продолжали отгуливать свои путёвки. После лагеря они встречались иногда, ходили друг к другу в гости, но вскоре их отношения распались сами собой. Учились они в одной школе, но в разных классах.

И вот теперь Даша согласилась на предложение мамы, тем более что жили они в доме напротив.

Примерно к обеду, приодевшись в самое лучшее из их гардероба, отправились в гости. В уютной квартирке на пятом этаже был накрыт стол, вкусно пахло салатами и чем-то мясным. Маина Николаевна и Галя, похожие друг на друга уверенным блеском чуть раскосых зеленовато-серых глаз, надушенные и нарядные, радостно встретили гостей. Именинница, получив подарок и цветы, поблагодарила и, извинившись, удалилась на кухню. Раздался звонок в дверь. Пришли ещё две женщины: одна—высокая и полная, с пышной причёской в виде кокона из пепельных волос, добавляющих ей помпезную статью; другая—тоже не маленькая ростом, худощавая, похожая на цыганку из-за цвета волос и кожи,—обе—сослуживицы мамы и хозяйки квартиры. Дашина мама, миниатюрная, с короткой стрижкой натурально вьющихся волос, среди своих подруг казалась самой молодой.

Сели за стол. Взрослые чувствовали себя раскованно, было видно, как им хорошо вместе. Даша с Галей попробовали все закуски и, чтобы не мешать, удалились в смежную комнатку с Галиной кроватью, трюмо и небольшим столиком. Девочки, прикрыв дверь, уселись на кровать. Хозяйка достала альбомы с фотографиями и, тыкая пальцем поочередно в каждую, объясняла, кто есть кто, Даша молча кивала. Мелькнули знакомые летние кадры, где весь отряд девочек замер на поляне пионерского лагеря «Орлёнок». Наконец-то нашлось о чём поговорить. Стали вспоминать имена и фамилии, забавные подробности. Вспомнили даже случаи с парнями-духопёрами, нарушающими ночной сон девочек. Посмеялись. Гостья призналась, что однажды во время тихого часа рисовала по просьбе вожатой какой-то рапорт для линейки. А Галя напомнила, как девочки просили Дашу нарисовать им бумажных куколок и стояли к ней в очередь. Дашка же вспомнила случай, как их отряд готовился к игре «Зарница», а у неё не было кед для похода. Вожатая принесла ей чьи-то напрокат, а она их носила и не спешила возвращать. Но потом вожатая забрала кеды и вернула владельцу-мальчишке, и Даше было немного жалко щуплого добряка.

Из зала послышалось пение. Выглянув из дверей, Даша отметила, что лица поющих раскраснелись, а её мама и женщина-цыганка выводят мотив на очень высоких тонах. Вернулась, улыбаясь, подседа к Гале.

— А правда, что ты прошлой зимой в лагерь ездила? Мама моя говорила недавно,—вдруг как бы между прочим поинтересовалась Галя, раскрывая другой альбом.

Даша сразу насторожилась, но ответила спокойно:

— Да, ездила в каникулы.

— Так это ты нашему Валерке Зайцеву письма пишешь?—Галка озорно стрельнула зелёным взглядом в печальную темноту Дашкиных глаз.

От неожиданности и испуга Даша сжалась в плечах, покраснела и, неопределённо кивая, уставилась в пол. Это сообщение убило и одновременно обрадовало её, но, не зная, что будет дальше, она зачем-то тихо спросила:

— А ты его знаешь?

— Знаю,—хмыкнула девчонка,—мы в бассейн ходим в одно время. Так он там в раздевалке твои послания нам читает и ржёт, как дурак.

То, что услышала секунду назад Даша, так дико и несправедливо не совпадало с тем, что хранила в тайне от всех всё это время после приезда из лагеря. И она даже не сообразила, как правильно отреагировать. Даша, ошеломлённая непоследовательностью событий, казалось, не слышала ничего плохого. А сам факт Галиного знакомства с тем, кого она так тщетно призывала к себе, вдруг

каким-то своеобразным манером вдохновил её, и она смотрела на собеседника так, словно бы перед ней сидел сам Валерка. Для неё в данную минуту Галя оказалась неким спасательным проводником её чувств. Она, будто не понимая происходящего, попросила у Гали бумагу и ручку.

Подруга, подозрительно глядя на взволнованные действия жертвы её прямолинейности, дала ей всё необходимое. Даша отошла к подоконнику и склонилась над листом. Её руки дрожали, и она сама, наверное, не сознавала, что пишет. Свернув лист в четырёхугольник, протянула его Гальке, сидевшей всё это время на кровати.

— Ты, когда пойдёшь в бассейн, передай ему записку и скажи, пусть он сразу ответит и тебе отдаст, а ты потом мне... — просящим тоном пролепетала Даша, доверчиво глядя на свою спасительницу. — Ты чё?! Он же смеётся над тобой, а ты ему опять пишешь. Он же придурок, красавца из себя строит! — кричала шёпотом свидетельница чужой трагедии.

Но её шёпот был напрасен, за дверью громко играла музыка, скрипел пол, слышались ободряющие выкрики — женщины продолжали отмечать день рождения.

Бедная Дашка, трепеща, села на краешек кровати и, бессмысленно расправляя нервными пальцами подол своего платья, повторила просьбу:

— Отдай ему записку, пожалуйста...

Галька пожала плечами, вздохнула, спрятала записку в портфель.

— В бассейн только на той неделе. Если придёт, отдам, конечно. Так он же, придурок, будет читать всем, — гневно предупредила девица, стоя посреди комнаты и упираясь кулаками согнутых рук в бока.

Даша молчала. Ей уже виделись картины будущего; вот совсем не она, а Галя подходит к Валерке так близко, что может прикоснуться к нему, поговорить. Вот её записка в руках удивлённого парня, он читает её... пишет ответ... его серые глаза печальны, как тогда, в коридоре, в прощальную минуту встречи. А что будет дальше, она не загадывала, главное — увидеть перед собой его почерк, слова, обращённые к ней...

— А у меня брат двоюродный женился недавно на деревенской! — заявила с беззаботным прямодушием Галина. — Так у них свой дом, кур завели, свиней, у него машина есть, — продолжала она без прежнего азарта.

Может, поняла, что повторяет кем-то сказанное, или увидела безучастное невнимание гостя.

— Ладно, если что, в школе найду тебя, — Галька махнула рукой и вышла в зал.

Там воцарилось затишье; зажгли люстру, свет ярких ламп золотил умиротворённые вспотевшие лица уставших от еды, вина и танцев приятельниц. Оранжевые блики мерцали в хрустале и графинах, в беспорядке стоящих на полупустом столе,

в открытую настежь форточку поддувал мартовский холодок, шевеля капроновую занавеску. Две госты, пришедшие последними, одевшись в узкой прихожей, распрощавшись со всеми, с шутками и пожеланиями скрылись за дверью, а Даша всё сидела в чужой комнате и не могла переключиться на реальность. Заглянула к ней мама:

— Ну что, домой-то идём, а то засиделись?

Дочка очнулась, быстро встала, последовала за мамой в зал.

— Ну как? Всё хорошо? Пообщались? — Маина Николаевна обхватила руками Галю и Дашу за плечи, поглядывая то на одну, то на другую весёлыми хмельными глазами. От неё неприятно пахло вином.

Подруги переглянулись, одновременно кивнув, и не заметили, как их матери многозначительно подмигнули друг другу. Ещё несколько минут собирались, и вскоре тёмный безлюдный двор, вылизанный разгулявшимся ветром, сменил теплую, пропитанную едой и духами квартиру.

Пока шли к своему дому, молчали. Даша, уже настроенная в душе на несколько дней ожидания, брела, опустив голову, и думала, что мама, наверное, теперь успокоится и будет считать, что дочь немного развеялась в новой обстановке и отдохнула, — совет врачихи выполнен. Лучше бы они не ходили в гости...

«До окончания каникул остался один день, потом в школу, потом Галя пойдёт вечером в бассейн, потом... что потом?» — как тогда, в лагере, когда Даша болезненно ощутила, что последним вечером на танцах может всё закончиться навсегда, так и теперь её мучили предчувствия неизбежной пустоты. И от этого невозможно было ни отстраниться, ни убежать.

«Он смеётся над моими письмами? Разве так бывает? Это же нечестно, такого не может быть. Галя нарочно всё придумала, чтобы самой посмеяться надо мной! Нарочно придумала! Нарочно!»

Ночью, свернувшись в калачик под одеялом, натянув на худенькие колени ночную сорочку, Даша мучительно пыталась прогнать от себя навязчивые мысли о Валеркином предательстве. Ей то становилось невыносимо горько и хотелось заплакать, то представлялось, что всё может измениться к лучшему, как только её записка окажется прочитанной им. В этом упрямом, фанатичном, обманчивом самовнушении застал её тревожный, нервный сон. В нём она убежала от невидимого преследователя, пряталась в тёмные углы, но, едва забившись в очередную щель и притаившись в ней, снова чуяла близкую опасность и снова в смутном туманном безумии бежала по незнакомым кривым коридорам.

Вдруг резко проснулась и в первый момент даже порадовалась своему возвращению в тот мир, где ей всё понятно и нет никакой погони.

Но учащённый ритм сердца и пробудившаяся память вернули её к реальности, не дающей покоя, и она больше не смогла уснуть.

Зелёный

Промучившись до утра, Даша встала вместе с родителями. Убрала с дивана постель, подошла к окну, забралась под тюль и, уткнувшись лбом в холодное стекло, устала на Галкин подъезд. Вчерашняя заноза всё больней и больней ныла в сердце. Заметив движение, перевела взгляд на сутуловатую фигуру мальчишки, вышедшего из соседнего подъезда, как раз напротив их окон. Он будто глянул на Дашу и, засунув руки в карманы зелёной куртки, не спеша двинулся по отмостке вдоль стены дома, то и дело оборачиваясь.

«Может, это Валеркин друг ищет мой дом?» — проснулась Дашкина фантазия, и она стала следить за парнем, но он не свернул к их дому, а пошёл дальше.

— Ты что к окну прилипла? Простыть хочешь? — мама потянулась закрывать форточку, и Даше пришлось отойти.

Завтракала она без аппетита, потом села за письменный стол, раскрыла книгу, но мысли о вчерашнем разговоре с подружкой лишали её сил. Даша поняла, что если бы не Галкина откровенность, ничего бы и не ясно было, так бы и продолжалось бесконечное ожидание писем. А чего ей теперь ждать? Чего?!

Новая четверть началась с неожиданного потепления погоды. У природы, видимо, имелся свой предписанный график, и она чётко по нему меняла настроение и температуру воздуха. Дашкино настроение не менялось. После уроков, шагая по раскисшей снежной каше, чувствуя, как влага холодком просачивается в старые войлочные сапожки, она засмотрелась на стаю голубей, исполняющих массовый полёт над крышами. Позавидовала их свободе и тяжело выдохнула, точно хотела выпустить из себя накопившуюся зимнюю печаль.

Через толстое пальто неестественно припекало солнце. Шапочка, сшитая заботливыми руками мамы из остатков драпа и меха и названная мальчишками их класса за свою схожесть с историческим головным убором «шапкой Мономаха», давила на лоб. Хотелось сбросить её, подставить голову ветру и солнцу, но Дашка, набравшись терпения, обходила самые мокрые места, продолжая думать о завтрашнем дне.

Дома настроение не улучшилось: Гальку в школе не встретила, чтобы переговорить с ней, до ночи ещё далеко, а весь день проходил в каком-то мутном томлении. Вечером пришли родители, и Даша села за уроки. Но ей не терпелось узнать: сходила ли Галя в бассейн, пришёл ли туда Валерка, отдала ли она записку, принесла ли ответ? Телефона-то

у них нет, а у подружки есть. Если бы не мама, сбегала бы в соседний дом, да только как объяснить, зачем ей на ночь глядя идти в гости? К тому же они с Галей так не договаривались. Осталось только ждать. Ждать. Снова ждать. Даша, устав от неизвестности, в этот раз очень быстро уснула, будто всё уже устроилось в лучшую сторону.

Утром следующего дня на Дашу напала какая-то нервная уверенность. Ей удалось убедить себя, что сегодня она узнает подробности о Валере и, конечно же, получит от него ответ. Завидев на перемене в толпе спящих школьников Галку, напряглась, но та, не замечая её, шла мимо. Она метнулась к ней, дёрнула за рукав и вопросительно замерла. Галя тут же оглянулась и, увидев Дашу, виновато смутилась. Даша молчала, и только по безумно горящим глазам было видно, как она волнуется. — Я отдала Валерке записку, вчера, после бассейна, — начала Галя приглушённым грудным голосом, — и сказала, чтобы ответ написал...

— Написал? — выдохнула Даша.

— Написал! — отрапортовала посредница чужой переписки.

У Даши пересохли губы. Ей захотелось обнять Гальку, заплакать — и лишь потому, что её просьба наконец выполнена. Осталось только взять записку — девушка протянула руку.

Галя, вздохнув, открыла портфель, порылась в нём, и на Дашину ладонь лёг свёрнутый бумажный квадратик.

— Ты не думай, я не читала её! — извиняющимся голоском зашептала Галя, сузив раскосые глаза. — Только я такому не стала бы писать! — и она самодовольно щёлкнула замком портфеля. — Он же опять вслух читал всем твоё послание и гоготал, как дурак! — взволнованно продолжила подружка. — Сказал, что у тебя... только фигура красивая, а сама ты... так... Ну... в общем, не обращай внимания на него и не обижайся! Он же при-ду-рок!

Она замолчала, с нетерпеливым участием глядя на Дашу.

— У вас ещё будут уроки или уже всё? — скороговоркой затараторила вдруг Галка, услышав звонок, и, не получив ответа от остолбеневшей подружки, скрылась в классе.

Даша не слышала её и не видела. Всё происходящее сейчас в школьном фойе размылось и стихло. Ей не терпелось тут же прочитать записку. Она судорожно развернула туго запечатанный листок, но светливость затмила зрение, и Даша не смогла сразу понять весь текст, а видела только отдельные слова. Она держала в руках долгожданное письмо, но почему-то слова в нём были какие-то странные. Свернув записку и засунув её в карман фартука, рассеянно огляделась.

Коридор опустел, и Даша, вспомнив, где находится, пошла неуверенной походкой к классной

комнате. Нерешительно открыв дверь, приборотмала:

— Можно? — вошла и села за парту рядом со Светкой.

Та, ещё издали заметив её встревоженное лицо, пыталась заговорить, но солидный и серьёзный учитель истории предупредительно постучал указкой по столу. Историк не спрашивал домашнее задание, объяснял новую тему, и в этом затишье Даша просидела весь урок, никак не реагируя на внимание любопытной соседки. Светка записывала свои вопросы на обрывках тетрадного листа и подсовывала ей под руку, надеясь на взаимное общение, что не раз именно на уроке истории практиковали скучающие ученицы, называя это занятие «давай пофилософствуем». Не добившись результата, она надулась и до звонка больше не приставала к Даше.

«Скорей бы закончился урок. Домой, домой... Там прочитаю...» — девушка трогала записку в кармане, будто ласкала её, словно эта свёрнутая бумажка являлась частичкой того, с кем так хотелось увидеться. Ведь к ней прикасались... *его* пальцы... Внутри тревожно замирало сердце, но рассудительный мозг уже начинал рисовать для наивного сердца самые жестокие картины-разоблачения.

После звонка, ничего не объясняя Свете, наспех одевшись в раздевалке, Даша кинулась на улицу из школьной двери, в спешке толкнув какого-то парня в зелёной куртке, задержавшегося на пороге. Зелёный свет просигналил как светофор, и обезумевшая от несчастной любви девчонка устремилась в сторону своего дома.

Открыв дверь ключом, скинула пальто, сапоги, «шапку Мономаха» забросила на полку к ушанке и, присев к своему столу, вынула из кармана записку. Аккуратно разгладила на коленках измятый перегибами обрывок листа, провела кончиками пальцев по карандашным строчкам...

Ещё в школе, только взглянув на текст, она испытала двойственное восприятие написанного. В самом смысле ответа не было ничего, что удовлетворило бы долгое ожидание увлечённой своими фантазиями восьмиклассницы. Но ещё продолжавшей ждать чуда доверчивой душой радовалась, увидев знакомый почерк, размашисто кинутый на бумагу. Ещё и ещё раз Даша перечитывала короткую небрежную писанину и не могла, не хотела поверить несоответствию представляемого ею и предложенного:

«Я не буду с тобой переписываться. Я познакомился недавно с девчонкой, у неё фамилия куда более звучная, не то что твоя. Ты мне больше не пиши. А вообще, если хочешь, пришли мне своё фото во весь рост. Валера».

Девушка боролась за семейным фотоальбомом, взялась лихорадочно перекидывать картонные листы, но... Вдруг поняв каким-то новым для себя чутьём жестокость Валеркиной просьбы и ненужность своей преданности, затихла, ссутулилась. Захотелось плакать.

Она прилегла на родительскую кровать, стоящую рядом с её столом, уткнулась носом в ладонь, и горячий тихий ливень полился из её полузакрытых напряжённых глаз. Потом стала жалобно подвывать, судорожно втягивая носом влагу, стучать нервно кулачком по жёсткому покрывалу и наконец, окончательно выпустив на волю назревшую, скрываемую от всех и от себя боль, зарыдала громко, безудержно, широко растягивая уголки губ перекосившегося мокрого рта.

Плакала долго, то беззвучно, то снова громко и отчаянно, пока не почувствовала, как по телу разливается волна спокойствия и безразличия... Лежала, равнодушно разглядывая узоры на ковре, висевшем на стене...

Медленно поднялась, сняла фартук, форму, рейтузы с чулками, оставшись в чёрной, облегающей выпуклости маленькой груди сорочке и трусиках. Пошла босиком к трюмо, прижатое деревянной своей спиной к стенке крошечной прихожей, а зеркалом отражающее кухонное окно за жёлтыми занавесками. Остановилась перед ним и ревниво обвела внутренним взором силуэт своей удручённой соперницы.

Включив настенную лампу, вплотную приблизилась к зеркалу: бледное лицо с красными пятнами на щеках и шее, распухший курносый нос, красные от слёз глаза под набухшими веками, жидкие чёрточки вместо бровей, потрескавшиеся губы — этот портрет Даша видела перед собой каждый день, только в сухом варианте.

Внимательно, испытующе проникла в опустошённость своих глаз, будто хотела узнать себя. Вновь отдалилась от трюмо. Её хрупкая фигурка в зазеркалье чётко выделялась на фоне жёлтого окна тёмной статуэткой. Она долго смотрела на своё отражение, потом провела ладонью по шее, по груди, погладила живот, талию, надрывно вздохнула и вернулась в комнату. Надела халатик, убрала школьную одежду, поправила покрывало, села на стул, ещё раз прочитала записку и задумалась...

Квартира, заполненная вечерними сумерками, мирно притихла. Где-то за тополями на дороге сигналили машины, кто-то, подкашливая, шёл по подъезду мимо их дверей, соседи включили магнитофон:

...Анжела, если ты со мной, солнце светит.
Над миром дни летят, а может, годы.
Я знаю лишь, что ты живёшь на свете.
Анжела, ты одна, одна на свете.
Анжела, в добрый час тебя я встретил...

Еле слышно, пробиваясь сквозь толщу перекрытия, а може, времени, переливалась хрустальными льдинками мелодия прошедшей зимы.

В мае Даша вместе со всеми сдала экзамены за восьмой класс и перешла в девятый. В огромном зале районного Дворца культуры был устроен выпускной вечер со столиками, шампанским и танцами под живую музыку школьного виа «Аскеты».

Было тесно и жарко в замкнутом помещении, за высокими оконными переплётами бушевала пылевая буря. В самый разгар духоты и веселья в чёрно-пепельном небе сверкнула молния. И тут же гром, заглушив треском вопль музыкантов, взорвался прямо над крышей Дворца культуры и вылил на неё всё содержимое тяжёлой тучи. По стёклам поплыли извилистые реки дождя. И сразу из всех углов, перебивая одна другую, полетели фразы: «Люблю грозу в начале мая...»

Когда стихия ослабла, несколько окон распахнули настезь. Горьковато-сладкий дух, усиленный влажностью, живительным потоком ворвался в зал, освежая раздумывавшихся от эмоций учителей и свободную от испытания экзаменами молодёжь. Вечер продолжался! Все охотно с новыми силами устремились в гущу танцплощадки, опоздавшим приходилось группироваться возле столиков.

Дашу с начала вечера никто не приглашал, и она сидела рядом с одноклассницами: чернобровой худенькой эрудиткой Ленкой и иронично комментирующей действия затанцевавших сверстников Светкой. Лена посещала хореографическую студию при городском театре и, как она сама рассказывала, иногда выступала в массовках во время спектаклей. У неё дома даже настоящие пуанты имелись. Она уговаривала Дашу попробовать себя в хореографии: мол, с такими данными только в балет, фигурка что надо. Однако первая же попытка Дашки встать на пуанты закончилась падением на пол Ленкиной квартиры, где и проводились пробы на будущую балерину. Дашкины ноги свело судорогой.

Ленка жила в двухэтажной сталинке, и её квартира походила на библиотеку, книги и журналы начинались сразу в прихожей. И по физике она разбиралась лучше всех девчонок в классе. Дашка физику не любила. Света жила в одном квартале с Леной, тоже много читала, в балет не годилась, и не только из-за фигуры, но это не мешало ей в дружбе с одноклассницами.

Девушки слушали музыку, стараясь разглядеть за танцующими парами поющих гитаристов, и утоляли жажду тёплым шампанским. Вдруг двое парней подошли к ним, остановились, точно искали кого-то. Одного из них Даша знала, во всяком случае, видела его в школе и во дворе, — личность известная. Второй сконфуженно сутулился, посылая изумлённой Даше искорки влюблённых

карих глаз. Она же, с высоким начёсом, сделанным в парикмахерской, в коротком кримпленовом платье молочного цвета, поджав под стул ноги в новеньких туфлях, смотрела на пришельцев снизу вверх, не зная, что будет дальше. Первым заговорил знакомый ей кривляка и фантазёр Сашка Мэдисон, он обращался к ней:

— Ма-а-адам, добрый ве-ечер! Скуча-аете? — чёрные глаза Сашки томно прикрылись. — В общем, этот человек познакомиться хочет и потанцевать. Это Вова, а это Даша. Давай, Вовяй, действуй!

Сашка подтолкнул дружка в спину, а сам, ловко крутанувшись на каблуке, отскочил вбок и, пригласив улыбчивую Лену, манерно повёл её в гущу танцев. При этом он нарочно выкидывал ноги вперёд, отчего расклешённые штанины его брюк разворачивались наружу. Светкины губы скривила ехидная улыбочка.

Приятель, оставшись без поддержки, ещё больше сутулился.

— Можно? — рука парня, повернутая ладонью вверх, застыла в ожидании перед Дашиным лицом.

Она, смутившись, несколько секунд смотрела на чёткие линии, пересекающие широкую впасть ладони, несмело подняла глаза на парня. Волнистые тёмно-русые волосы и усики придавали мужественность буднично одетому скромняге. Даша, испытывая некоторую принуждённость своего решения, встала и, не подавая руки, отойдя недалеко от того места, где сидела, повернулась к незнакомцу. Он бережно привлёк её к себе и, неуклюже топчась на одном месте не в такт музыке, вдруг сказал прямо в Дашино ухо:

— Меня Вовкой зовут. А я тебя знаю, — парень многозначительно просиял.

Даша насторожилась. Сразу целый фонтан предположений забурлил в её сознании, связывая эту встречу с событиями, старательно припрятанными в дальние уголки памяти. Какое-то отталкивающее неприятие появилось у неё к этому неизвестно откуда взявшемуся человеку, отрывисто дышащему на неё горьковатым запахом сигарет из приоткрытых губ. Она забеспокоилась: вдруг это кто-то из компании Валерки, и сейчас над ней будут подшучивать? Непроизвольно отстранившись от партнёра, Даша вопросительно посмотрела на него, готовая убежать. Увидев такие перемены, мальчишка решил, что причинил обиду, глаза его растерянно блуждали по изменившемуся выражению девичьего лица, но он не собирался отступать. — Я тебя почти каждый день вижу в окно, ты живёшь напротив, на третьем этаже, а я на пятом, — он утвердительно кивнул и снова засветился усатой улыбкой. — Мы с Сашкой в одном подъезде живём. Ты разве меня не видела раньше во дворе?

Даша, ещё не отошедшая от мысли об ожидаемом ею розыгрыше, отрицательно покачала головой:

— Нет, не видела...

— А ты зимой исчезла куда-то, в каникулы, у тебя лампа настольная не горела. Я испугался, думал, насовсем уехала, — продолжал объявившийся поклонник тихим голосом, еле слышным в звуках нескончаемой медленной музыки.

— Насовсем? — девушка с нахлынувшей вдруг тоской вспомнила свои зимние страдания, как тяжёлую болезнь, и как странно, что кто-то в это же самое время следил за ней.

От этого не известного ей участия стало неловко; может, и оттого, что её тайна могла быть кем-то замечена.

Танец наконец-то закончился, она села на своё место и на последующие приглашения Володи отвечала молчаливым отказом. Ничего не понимающий юноша ещё долго стоял в дверном проёме зала, грустно глядя издали на равнодушную к нему девушку, и затем исчез. Увлечённый танцами, бесшабашный Сашка ничего не заметил.

Светка дёрнула её за плечо:

— Что он к тебе пристал? Ты не знаешь его, что ли? Это же Вовка из седьмого «Б», малолетка, а туда же. Танцор! Так он в тебя втюрился по уши, сразу видно, а то зачем бы приперся сюда? Здесь же только восьмые классы. А тот-то, ну ты говорила мне зимой, написал тебе или нет? — припомнила Дашкин секрет Светлана, решив использовать подходящий случай для откровения, но убитая воспоминаниями подруга только махнула отрешённо рукой.

В конце июня Даша поехала с мамой на теплоходе в село к родственникам. Мама зимой одна их навещала, а теперь с дочерью. Весёлая, звонкоголосая тётя; спокойный, рассудительный дядя; бабушка со своими не заканчивающимися пирогами и ватрушками; двоюродные и троюродные братья и сёстры; овощное и рыбное изобилие на столе; домашний скот, отправляющийся в поля ранним утром как на работу; чистый воздух с примесью запаха навоза, непривычного для городских носов. Катера с хвостами из барж; неторопливые самоходки; лёгкие моторки сельских рыбаков, снующие по речной глади, как по трассе; белые пассажирские корабли, причаливающие с важным достоинством к пристани; купание в реке; рыбалка; удивительное явление белых ночей; кино и танцы в клубе по вечерам; уединённая, за огородом, гостевая избушка с высокой этажеркой лучших книг, — всё это очень быстро и надёжно вылечило Дашину хандру.

Но когда в тесном полумраке старого клуба её приглашал на танго какой-нибудь местный донжуан и начинал напрашиваться в провожатые, девушка недоверчиво отмалчивалась и уходила с танцплощадки со старшей сестрой.

Она пробовала совсем не показываться в клубе, но сидеть вечерами в компании взрослых

не хотелось. Приветливые, привычные к труду местные ребята интересовались ею, но городская девчонка оставалась недоступной тихоней, вызывая только недоумённые взгляды.

В начале августа вернулись в город. После раздолья сельской жизни, когда большая часть суток проводилась под открытым небом и каждый день казался интересным, душная квартирная обособленность походила на добровольное заточение. И Дашка, загорелая и отдохнувшая, по поводу и просто так выходила на улицу, шла в магазин, в гости к одноклассникам, встреченными на пути, каталась на велосипеде. А если некуда было пойти, вычитывала в женском журнале «Работница» советы для стройной осанки, надевала закрытый красный купальник и выделяла всевозможные упражнения, топчась босиком по старой ковровой дорожке. Иногда к ней приходила соседская дочь Наташа, и они делали упражнения вдвоём.

Но чаще Даша сидела на балконе с книжкой. Читать она любила и тратила иногда на это весь день, забывая даже обедать. Перечитав книги для школьников, в отсутствие мамы добралась до романов Золя, Цвейга, Драйзера и Мопассана. Вникала в книжные истории, с потаённой истомой перечитывала откровенные места, сопереживала героиням и старалась не вспоминать свои неудачи.

Последний месяц лета щедро дарил горожанам припасённое для этого времени тепло, припекало как в июле. Начинающие жухнуть листвою парки и скверы не давали прежней свежести. Они походили на вчерашние букеты роз — вроде ещё красивые, только уже щемяще-печальные. Но люди в летних одеждах радовались сухой солнечной погоде так, будто они вообще не собираются надевать плащи и мокнуть под холодным дождём.

Подружившись ещё в школе с Леной-балериной, мудрой и честной в своих рассуждениях девушкой, Дашка вышагивала теперь рядом с ней по разбитому асфальту старого сквера, прилегающего зелёной полосой к бетонному забору завода, от проходной которого автобус увозил зимой Дашу в лагерь.

Сегодня она с восторгом слушала невообразимые фантазии подруги о вземных мирах и открытых ею где-то островах. В её, Ленкином, мире деревья шелестели красными кронами, небо мерцало изумрудным светом, а солнце флуоресцировало ослепительной голубизной. Дашка, добавляя свои, только что выдуманные, варианты нестандартного видения привычных явлений, хохотала и, перебивая Ленку, начинала на ходу всю эту буйную нелепицу рифмовать. Подруга, тоже сочиняющая стихи, тут же выкрикивала свою версию. Обе развеселились и не заметили, как из кустов акации, плотной изгородью тянувшихся вдоль дорожки, выскочил человек и встал

перед ними. Девчонки отпрянули и хотели убежать, но, узнав «бандита», остановились. Лена вскрикнула:

— Ой, напугал! Так можно и заикой стать!

— А я тебя опять потерял, — тяжело дыша, сердито глянув на возмущающуюся Ленку, решительно выпалил Володька, близко подходя к Даше.

Даша уग्रюмо потупилась. Конечно, она узнала его. После выпускного вечера он не раз, как будто специально, встречался ей на пути, но, издали испытующе оценивая её сдержанное спокойствие, проходил мимо. Ещё до её отъезда он пускал из своего окна солнечных зайчиков по голым Дашкиным коленкам, когда она читала книжку, сидя на пороге балкона. Вычислив источник освещения, девушка тогда разозлилась, заскочила с балкона в комнату, закрыла дверь и наглухо задернула портьеры. Ей казалось, что этот настойчивый парень знает гораздо больше о ней, чем ей хотелось бы. Ведь это он тогда вышел из дома и оглядывался на её окно, когда ей было так плохо, что даже и вспоминать об этом тяжело.

Зачем он преследует её, напоминает ей о зиме?! Мысли стремительным потоком проносились в её голове. Она отступала от Володи.

— Как ты здесь оказался? Ты следил за нами? Следил?! — дерзко бросаясь словами, девушка хотела уйти.

Тогда, решившись на последний шанс, Вовка схватил ускользящую Дашу за руку:

— Но поговорить-то ты можешь со мной, просто поговорить, а?

В его голосе слышались и мольба, и напористость. Лена, всё это время смотревшая с изумлением на мучения подруги и несчастного мальчишки, вдруг вмешалась:

— Слушайте! Вы пообщайтесь! Действительно, вам ведь есть что сказать друг другу, а мне бежать надо. Я же вспомнила! — и, быстро перебирая загорелыми ногами в туфлях-лодочках, понятливая девчонка заспешила прочь.

Даша кинулась было за ней, но её запястье сжимала горячая ладонь юноши. Сделав ещё несколько попыток вырваться, она дёргалась всем телом и с глазами, полными слёз, думала, что если бы сейчас вместо этого чужого парня её держал за руку Валерка, если бы он так настойчиво искал встречи, если бы... Но на неё надвигалось чужое лицо, а на нём — горящие мятением и отчаянной безнадёжностью чужие глаза.

И, может, потому, что сама была совсем недавно так равнодушно отвергнута, пожалела влюбившегося в неё парня. Она ослабила руку и, опустив голову, покорно пошла с ним по аллее, ощущая затылком тепло августовского солнца. Ещё не веря победе, Володя, всё так же сжимая Дашину руку, смотрел повеселевшими глазами на её профиль и молчал.

А в Дашкином сердце раскачивался огромный маятник. Её мучили вина за настоящее и вновь проснувшаяся обида за прошлое. Ей мнилось, что в данный момент она предаёт себя, но понимание того, что это только её беда и она никому не нужна, а именно ему — Валерке, помогало ей оправдаться и убедить свою память забыть прошлую обиду.

Рано наступающие сумерки напомнили об осени. Они затенили дорожки, охладили разгорячённые щёки девушки, по её голым ногам, прикрытым лёгким платьицем, побежали мурашки. Она не замечала этого и осторожно, как бы невзначай, поглядывала на своего спутника. Ей было странно вот так свободно идти вдоль деревьев за руку с мальчишкой, ведь с ней ещё ни разу такого не было, и эта прогулка — первая в её жизни.

Совсем стемнело, когда парочка вернулась во двор. Подошли к Дашиному подъезду, и снова она подумала о том, что ещё никто не провожал её, никто не смотрел так робко ей в глаза. И когда Володька спросил:

— Завтра выйдешь пораньше? — переполненное новыми впечатлениями сердце девушки затрепетало от мысли, что она нужна и никто не собирается убежать от неё.

Мальчишка подошёл так близко, что даже во мраке стало видно, как преданны и доверчивы его глаза.

Неожиданно из темноты возник Дашин отец. Увидав под козырьком подъезда дочь с незнакомым парнем, он вначале растерялся, его лицо удивлённо вытянулось, но, открывая дверь, он сердито буркнул:

— Уже в тринадцать лет парней начала водить. Марш домой!

Отец скрылся в подъезде, а перепуганная Даша молча уставилась на клетчатую рубашку Володьки. — Батя твой? — смущённо спросил парень и тут же, пытаясь вновь поймать взгляд девчонки и как бы отгоняя от неё возникшую помеху, шёпотом повторил: — Завтра выйдешь?

Ничего не ответив, Даша ринулась в подъезд и, зацепив привычным взглядом почтовые ящики, тяжело дыша от волнения, побежала наверх...

Видимо, отец успел сообщить маме новость о дочери, и Даша, придя домой, не знала, куда деваться от родительских взглядов и вопросов. Может, мама и радовалась, что дочка взрослеет, но это так непривычно и беспокойно для неё.

И снова впечатления дня мешали уснуть, а видения прошлого, вспыхивая перед ней, навязывали ненужные мысли.

«Зачем мне этот Вовка? Откуда он взялся, и как мне теперь поступить?»

Она глядела на его потухшие окна и удивлялась сама себе: почему Валеркины окна так сильно притягивали её даже издали, а эти совсем рядом, но такие чужие?

Утром родители ушли на работу, и Даше стало казаться, будто она в квартире не одна. Отойдя подальше от окна, девчонка присмотрелась к соседнему дому. Заметила в Вовкином окне силуэт, но сначала не разглядела чей. А когда потерявший покой парень стал появляться то на балконе, то в окне, при этом не переставая смотреть на её окошки,—поняла: это начало новой истории.

Девушка улыбнулась внутри себя, улыбнулась себе в зеркале и с видом, словно ничего не замечает, вышла на балкон. Не обращая внимания на наблюдателя, склонилась над бархатцами, разросшимися в ящиках по периметру балкона и ещё сохранившими сочные краски и аромат в конце лета. Полила их. Восточное солнце, освещавшее с утра линияльный фасад Дашкиной пятиэтажки, так ласково, так обещающе светло начинало свой день, что верилось: оно специально продлевает лето, чтобы люди успели нагуляться перед зимой. Девушка представила затенённую дорожку в сквере, себя рядом с мальчишкой. Так захотелось всё это повторить. Она знала, что Володька сейчас смотрит на неё во все глаза с пятого этажа и думает, наверное, то же самое. В душе у Даши запел нежный тоненький голосок. Она, незаметно взглянув на Вовку, вернулась в комнату.

Включила радиолу, стоящую возле балконной двери на ножках-растопырках. Знакомая мелодия оповестила размечтавшуюся слушательницу о начале музыкальной передачи «Опять двадцать пять». У Даши не было магнитофона, как у её подруг, и потому полированная с боков радиолы с выдвигающимся проигрывателем для грампластинок была как раз кстати.

Ведущий передачи объявил первую песню: «„Эти глаза напротив“, поёт Валерий Ободзинский». Даша никогда не слышала такой песни, но уже при первых звуках её охватила необычайная лёгкая радость.

Эти глаза напротив—

Калейдоскоп огней.

Эти глаза напротив—

Ярче и всё теплей.

Эти глаза напротив—

Чайного цвета.

Эти глаза напротив—

Что это? Что это?

Пусть я впадаю, пусть,

В сентиментальность и грусть.

Воли моей супротив—

Эти глаза напротив!

Вот и свела судьба,

Вот и свела судьба,

Вот и свела судьба нас.

Только не подведи,

Только не подведи,

Только не отведи глаз.

«Слова как будто про нас!»—изумилась Даша, слушая новый мотив. Засияла романтическая девчоночья душа. Но восприятие настоящего всё ещё расплывчато и нечётко пульсировало в Дашином сознании. Она и ждала, и боялась чего-то.

Резкий звонок заставил девушку бежать к двери, но недослушанная песня не отпускала в реальность. И когда на пороге квартиры возникла Галя, Дашка бросила её там и вернулась к радиоле. И оттуда, загадочно улыбаясь и делая знаки счастливыми глазами в сторону поющего источника, смотрела на застывшую в тёмном коридорчике удивлённую гостью. Песня закончилась.

— Тебе нравится?! Это новая песня, я её только сегодня услышала!—возбуждённо говорила Даша в надежде произвести впечатление на Галку, но та, настороженно глядя на странное явление, разулась и прошла в зал:

— Слушай, а тебе в магазин не надо или ещё куда? Пойдём вместе, а?—выдала она вдруг.

Теперь уже Даша в недоумении глядела то на гостью, то на приёмник, продолжавший вещать свои «Опять двадцать пять» и мешавший сосредоточиться. К тому же её смутило, почему песня, так понравившаяся ей, никак не подействовала на подругу.

— Пойдём,—наконец ответила Дашка.—Мне как раз за молоком надо.

Недослушанная передача умолкла, и девчонки отправились из дома. На улице, как и вчера, гулял тёплый август. Когда пересекали соседний двор, Дашка заметила, что Вовка, стоя на балконе, наблюдает, как они с Галькой шествуют вниз, и от этого ей стало весело. Прошли квартал пятиэтажек, тенистую от высоких тополей улочку со старой застройкой и дальше через ярко освещённый солнцем проспект. Дошли до магазина «Молоко», размещённого в одном доме с магазином «Хлеб», и там розовощёкая продавщица в белом колпаке и халате налила три литра молока в серенький алюминиевый бидон. Рассчитавшись, Дашка собралась назад, но подруга попросила зайти с ней в сберкасса, а это совсем недалеко.

Сберкасса, занимающая нижний этаж основной в своей конструкции сталинки, принимала в своё душевное нутро всех, кому вздумалось сегодня оплатить квитанции за квартиру. Стоя в длинной очереди, подруги о чём-то болтали, и Даша, чтобы не держать тяжёлый бидон, поставила его на цементный пол под ноги. По мере продвижения к окошечку кассы бидон перемещался следом за хозяйкой.

Наконец Галя выполнила поручение, и уставшие от забот девчонки потопали по солнцепёку домой через оживлённый перекрёсток мимо массивного жилого здания со встроенным кинотеатром «Спутник». Они давно не встречались, и Даша боялась расспросов о Валерке. Но свидетельница

её зимнего романа, наверное, забыла про него, и Дашка, переставшая горевать о прошлой привязанности, уже не чувствовала вины за это. Она возвращалась домой с точной уверенностью, что её появление во дворе кому-то очень нужно, и ей было хорошо.

Дома, налив в чашку молока и с жадностью отпив несколько глотков, сморщилась: молоко скисло. Причина была понятна, но непоправима, и Дашка, вздохнув, поставила бидон в холодильник.

До прихода мамы решила не выходить на улицу. Читала книгу, слушала радио, сидя на диване, и с затаённым любопытством наблюдала, как Вовка следил за её окнами. Потом он исчез, и она даже растерялась, но, подойдя к кухонному окну, увидела его с Сашкой во дворе. Даша открыла раму, вдохнула запах деревьев, облокотившись о подоконник, посмотрела вниз. Друзья сидели в беседке под клёнами и поглядывали вверх на неё.

Пришла мама, зашла на кухню, и дочь при ней старалась не подходить к окну. Она отвечала на мамины вопросы, сообщила, что приходила Галя и что в магазине продают кислое молоко. Ей нестерпимо хотелось на улицу. Но как выйти во двор так, чтобы Вова подошёл к ней?

— Даша, я тебя хочу попросить: сходи к тёте Вале, отнеси банку с краской. Я ей обещала, а то им не хватило окно покрасить. Сходи. Ты же помнишь, где она живёт? — неожиданно предложила мама, заворачивая банку в газету и аккуратно устанавливая её в плетёную авоську.

— Что? К тёте Вале? Прямо сейчас? — засуетилась дочка.

— Сейчас, конечно, пока тепло, пусть окно покрасит. Только смотри не переверни банку, — мама вынесла посылку в прихожую и поставила на пол.

А Дашка уже вертелась у шкафа, доставая любимое синее платье с цветными узорами. «Интересно, Вова захочет сегодня встретиться со мной? Он ещё вчера спрашивал об этом, но я же не ответила. А сегодня? Что будет сегодня?»

Туфли на ногах, авоська в руке — и Даша готова бежать из дома. Ещё слышен эхом в подъезде мамин наказ об осторожности, хлопанье дверью, а девчонка уже выпорхнула на солнечный асфальт. Здесь её стремительность поубавилась — идти-то надо совсем не через Вовкин двор.

«Мальчишки, наверное, ещё в беседке и не видят меня, а я пойду к тёте. А потом?»

Пошла не спеша, глядя под ноги, поднялась по ступеням на пригорок и дальше по пыльному тротуару, ведущему к новым пятиэтажкам.

За спиной послышался топот и знакомый голос: — Ты опять убегаешь от меня? — запыхавшийся Володька, всё в той же клетчатой зелёно-синей рубашке, радостно разглядывал её. — Я тебя ждал. А ты куда?

— К тёте. Вот, краску несусь, — смущённо ответила Даша.

— Можно я с тобой, подожду на улице? А потом погуляем?

Он хотел взять авоську с банкой, но она не отдала. Вовкины глаза нервно заморгали.

— Погуляем? — уже с сомнением повторил он.

Девчонка неопределённо пожала плечами и пошла дальше, Володя рядом. Идут, молчат. Прошли старую школу-интернат, дворы, где жили Дашкины одноклассники, перешли проспект с трамвайными путями, миновали дом с детским садиком на первом этаже, куда её водила мама и где она до сих пор работает заведующей. Даша рассеянно смотрела перед собой и, казалось, ничего не замечала, но вдруг, очнувшись, испугалась: их путь лежит через сквер мимо дома, где живёт он!

Валеркин дом приближался в своём знакомом облики: фасад из тёмного кирпича, год постройки на уровне четвёртого этажа с торца здания, намеренно выложенный строителями из светлых кирпичей, окна, балконы. Даша хорошо запомнила дом только с этой стороны. Ведь она так и не осмелилась тогда приблизиться к желанному подъезду, а сейчас шла мимо лавочки, где сидела когда-то одна... Ничего не подозревавший Володька шёл рядом и пытался развеселить девушку, но она молчала. Когда подошли к дому тёти, стоявшему в том же квартале, Даша успокоилась и даже порадовалась, что не одна, и решила на обратном пути пройти с Володей прямо по Валеркиному двору. Зачем? Она не могла себе объяснить, но поняла: вот именно теперь ей будет не страшно сделать это.

Тётя Валя, жена родного брата Дашиного отца, среднего роста, темноволосая, приветливо встретила племянницу с передачей. Они давно не виделись, и ей хотелось поговорить и, может, угостить, но девчонка, виновато пряча глаза, не отходила от двери и, наскоро попрощавшись, ушла.

Володькина рубашка мелькнула из-за угла, он успел осмотреть новую территорию и, завидев вышедшую Дашу, торопливо подошёл:

— Отдала краску?

— Отдала.

Двинулись обратно. Даша, преодолевая в себе лёгкую дрожь, всё-таки возникшую и усиливающуюся по мере приближения к Валеркиному дому, уже издали заметила группу ребят, сидевших на лавочке у третьего подъезда. Она старалась не обращать внимания на парней, но узнала его даже со спины и в летней рубашке в серую полоску. Такой невероятной случайности Даша не предполагала. Сердце снова, как тогда утром в лагерьном коридоре, сильнее застучало в груди, захотелось развернуться и убежать, но рядом спокойно шёл Вовка.

Когда они проходили мимо мальчишек, было слышно, как те о чём-то спорили, и Дашка надеялась, что её не заметили, но вдруг громко ей в спину—его голос:

— Куда же ты уходишь, Лександра?!—и дерзкий хохот дружков.

Девушка вздрогнула от неожиданности. Не желая того, на секунду оглянулась. Валерка уже не сидел на лавке, он стоял на краю тротуара, вытянув вперёд руку, и даже будто хотел пойти за ними или уже пошёл...

Что успела заметить Даша—это искривлённые в усмешке красивые Валеркины губы и грустные серые глаза.

— Кто это? Он тебя знает?—занервничал Володя, когда спутница повернулась к нему смутившимся лицом.

Его глаза наполнились тревогой, дыхание участилось, крупные кисти рук сжались в кулаки.

— Не знаю, дурачок какой-то,—сдерживая внутреннее волнение, как можно равнодушнее ответила Даша.

Вовка больше ничего не спрашивал, он крепко сжал Дашкину ладонь, и они отправились дальше мимо кирпичного дома, мимо памятника вождю, мимо детского сада, вдоль проспекта с трамваями и машинами в направлении сквера, где их ждал нескончаемый тёплый август.